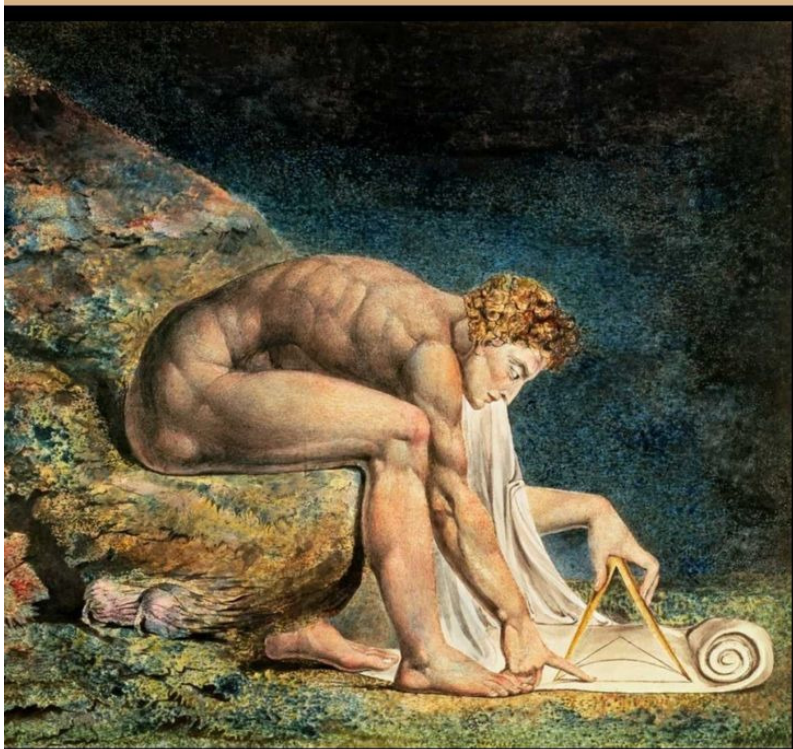

18+

Андрей Ставров
Вракли-6

Попутчики, или Разговоры в поезде
(В поисках жанра)

Андрей Ставров
Вракли-6. Попутчики,
или Разговоры в поезде.
В поисках жанра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100072

ISBN 9785005173669

Аннотация

Слава авторов детективных романов былых времен не даёт спать. В то же время толпа современных писателей этого жанра вызывает глухое раздражение. Решил рискнуть и попытаться пойти своей тропой. Что получилось, не мне судить... На обложке: Уильям Блейк. 1757—1827, Ньютон. 1795—1805. Лондон, галерея Тейт. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие к Враклям-6	5
Разговоры в поезде	12
Предисловие. Ода поезду с вагоном СВ	12
в целом и ВАКу в частности	
1. Покер и рулетка (почти правдивая история)	34
Живопись	64
2. Сообрази себе картину	69
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Вракли-6

Попутчики, или Разговоры в поезде. В поисках жанра

Андрей Ставров

© Андрей Ставров, 2020

ISBN 978-5-0051-7366-9 (т. 6)

ISBN 978-5-4496-1317-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к Враклям-6

Много лет тому назад, будучи в пионерском лагере, я впервые услышал от своего благо приобретённого приятеля волшебное имя – Шерлок Холмс. Он показал мне блокнотик, в котором нарисованы смешные фигурки, похожие на человечков и пересказал знаменитый детектив. Так я впервые узнал волшебное слово сыщик и тут же стал воображать себя, то Холмсом, то Уотсоном. Кстати, фамилия доктора – Watson по правилам английского языка читается как Уотсон, по примеру Water – вода, Уотер. Помните громкое дело по импичменту Никсона – Уотергейт – водяные ворота. В первых переводах произведений Конан Дойля и его известном восьмитомнике, именно под именем Уотсона появился известный персонаж. Я завёл блокнотик, придумал сво-

их «человечков», но лагерная смена окончилась, потом школа и блокнотик я затерял. Однако про знаменитого сыщика не забыл и, вдруг у соседа, друга детства, обнаружил «Записки о Шерлоке Холмсе». Мы с Витькой, так звали друга, книжками постоянно обменивались, и я заполучил, наконец, прямой доступ к Холмсу. Читал запоем весь день и ночь с фонариком под одеялом. Потом пытался разыскать ещё какие-нибудь рассказы Конан Дойля, но кроме «Затерянного мира» долго не мог ничего найти. Даже записался в библиотеку, но там рассказы о Холмсе ходили по рукам и перехватить хоть какой мне не удавалось. Потом меня захлестнула фантастика. Со мной в классе учились двойняшки – Петька и Ленка. Отец у них был военный и перевёлся в Минск несколькими годами ранее. До этого семья жила в каком-то сибирском Мухосранске. С Петькой я дружу до сих пор, а с отличницей Ленкой, единственной золотой медалисткой нашего двойного выпуска пришлось целый год сидеть за одной партой. Она была редкостной занудой, не давала списывать и никогда не подсказывала, зараза! За соседней партой сидела тоже Ленка, жившая в одном доме с двойняшками. Дом же находился на моей дороге к трамваю, поэтому иногда Петька, обе Ленки и я вместе шли домой. У Петькиного отца была шикарная библиотека. Видимо в Мухосранске грамотных было мало и в единственном, по словам Петьки, книжном магазине свободно продавалось то, что у нас уже в те времена не достать ни за какие деньги. Чего только в домаш-

ней библиотеке у них не было – от старых изданий в дивных переплётах с тиснением и с золотым обрезом типа знаменитых «Мужчина и женщина» до томов «Мир приключений». Именно в этих томах печаталась замечательная фантастика советских и не только писателей. Казанцев, Ефремов, Беляев и безусловно самые любимые до сих пор Стругацкие. Первой ими заболела Ленка, которая не отличница, и с упоением пересказывала на переменках очередной шедевр. Подхватил заразу и я. Петька снабжал нас том за томом, а также другими книгами на эту тему. Увлечение фантастикой приглушило мою страсть к детективам, которая снова вспыхнула в начале 1966 года. Тогда было объявлено о выпуске по подписке первого почти полного собрания сочинений Конан Дойля аж о восьми томах. Ни моя мама, ни даже её приятель, а мой будущий отчим, зам министра, не могли заполучить подписку на него, а я раздобыл этот раритет лишь много лет спустя. Тогда умерла моя питерская тётушка, оставив мне в наследство всё своё имущество, в том числе и эти восемь томов. Учась в университет, я частенько торчал в Ленинской библиотеке и в ожидании заказанных книг однажды от нечего делать, залез каталог. Там в подборке «Современный детектив» нарвался на Сименона и Агату Кристи. Любовь к этому жанру проснулась с новой силой, но читать в зале мне не нравилось. К счастью соседка по нашему замечательному дому работала в этой библиотеке, и я упросил её давать мне желанные книги на абонемент. В это время потихоньку нача-

ли появляться переводы классиков зарубежной фантастики (Азимов, Бредбери, Гаррисон, Катнер и другие), и детективы Чейза, Гарднера, Стаута и прочих. По большей части они печатались в журналах, но выходили и в виде книг небольшого формата, т.н. покетбуки. Надо отметить, что переводили все эти произведения отличные переводчики и поэтому кроме завораживающих сюжетов, рассказы отличались хорошим языком, были остроумны и легко читались. В нашей группе была пара студентов, моих хороших приятелей, родители которых имели блат в книжных магазинах, поэтому мне доставались эти книги, а наиболее популярные журналы мама выписывала по моей просьбе. Много позже, когда я был женат, мы не только выписывали журналы, но выдирали из них понравившиеся рассказы. Я отдавал на переплёт у себя в институте, пользуясь расположением барышень-переплётчиц. До сих пор на даче у нас около полусотни таких «книжек».

Коренным образом ситуация изменилась в конце восьмидесятых и, особенно в первой половине девяностых годах. Книжные полки магазинов и различных ларьков заполнили детективы как хорошо известных авторов, так и совсем новых. Наконец стали печататься Стругацкие, которых ранее было не сыскать. Некоторые из их ныне классических произведений в шестидесятых-семидесятых годах появлялись в странных журналах типа «Байкал» или «Сель-

ская жизнь», подписаться на которые заранее никому в здравом уме не приходило в голову. Сначала переводы Чейза и других американских авторов были хороши, как и прежде, но потом пошла полная халтура. Нет, конечно, некоторые издательства пытались держать марку, но их становилось всё меньше. Хорошему переводчику надо было платить хорошо, но зачем тратить деньги, если неприязнительный читатель схавает и такое. Тем более, что книжки стали выходить в дешёвых переплётах, которые выдерживали два-три прочтения, а потом рассыпались и выбрасывались. Цена за такое чтиво была небольшой и создавать из них домашнюю библиотеку, как в советские времена, смысла не было никакого. Те же издания, которые отличались качеством и хорошим переводом достать было не просто. С начала девяностых поднялась волна отечественных писателей. На первых порах они старались писать сами и приличным литературным языком. Помню первые пару томов Незнанского и Тополя про следователя Турецкого. По ним даже сняли неплохой фильм. Также прилично начинала Маринина, но, увидев бешеную популярность, и, следовательно, доходы пионеров нового детектива, их примеру последовала целая орда авторов. Донцова, Полякова, Устинова и иже с ними строчили халтуру с такой скоростью, что если бы не литературные рабы, то, Донцовой, например, не хватало бы 24 часов в сутки, чтобы гнать такой поток. Качество же этой, с позволения сказать литературы, было таким, что краснели не только

учителя изящной словесности, но даже те, кто с трудом мог читать по слогам.

Меня эта волна чуть-чуть задела, но благодаря моей умной жене я успел остановиться. Жизнь к этому моменту была слишком насыщенной, работа занимала практически всё время и я мог себе позволить лишь полчаса перед сном окунуться в те книги, которые мог перечитывать и перечитывать – Гоголя, Булгакова, Чехова...

Когда же я освободился сначала от оков государственной службы, потом расстался с капитализмом и перешёл в свободные художники в качестве научного консультанта известной американской компании, появилось свободное время. И тут, совершенно неожиданно во мне то ли родился, то ли очнулся от долгой спячки, писатель. Хотя считаю, что это слово слишком громкое и лестное для меня. Скорее безобидный графоман-любитель. Который получает удовольствие от самого процесса писания, не претендует ни на какие лавры, не бегает по реакциям, не мучает книгоиздателей, а тихо строчит себе очередную нетленку, украшает её рисунками стыренными из интернета и тиражирует в количестве, равным числу своих друзей-приятелей. Потом рассылает им очередной опус. С удовольствием выслушивает комплименты, в искренность которых верит не до конца, понимая, что никто его не хочет обидеть. Тем более, что дарёному коню, как известно... Сначала я нацелился на почти ре-

альные истории, которые где-то слышал, или которые происходили с моими друзьями-приятелями и просто знакомыми, или даже те, которые касались моей семьи. За что был неоднократно бит своей женой. Она принципиально не читает мои рассказы, но зато получает отзывы от своих подруг. Которые принимают за чистую монету всё моё враньё и с восторгом делятся с ней впечатлениями. При этом жалеют, что рассказы про неё и нашу семью я не иллюстрирую фотографиями. Переубеждать жену и подруг у меня сил нет, я смирился и получаю порцию скандалов и наказаний после выхода очередных «Враклей»

Но тут я вдруг расхрабрился и сначала написал три рассказа про любовь. В их основе легли два факта из жизни двух знакомых и один – из моей. Реакция читателей была сдержанной. Ни за, ни против. Я затаился, но тут вдруг решил: ё-моё, всякие донцовы пишут, а чем я хуже. Тем более, что у меня в жизни было несколько случаев, которые можно заложить в фундамент рассказа. Вот так, неожиданно для себя, я возвратился к детективам, но уже не в качестве читателя. Итак, первая попытка.

Разговоры в поезде

Предисловие. Ода поезду с вагоном СВ в целом и ВАКу в частности

Чай в поезде

Сколько себя помню, я любил поезда гораздо больше других видов транспорта. Ничего удивительного, ведь в детстве другого вида транспорта на расстояния дальше пригородной зоны не было. Долгое время основным маршрутом был для

меня Минск-Ленинград и обратно. Это продолжалось до момента, когда мне стукнуло четырнадцать лет, и я получил право летать самолётом самостоятельно без сопровождения. Так как путешествовать к бабушке в Ленинград я мог только во время школьных каникул, то самолёт не только экономил время, но с учётом пятидесяти процентной скидки школьникам стоил меньше, чем купе и почти столько же как плацкарт. Это было связано с тем, что Аэрофлот тогда всеми силами старался перетянуть к себе пассажиров поездов, которые ещё побаивались перелётов. Правда эта лафа довольно быстро кончилась, и чтобы купить льготный билет мне приходилось занимать очередь чуть ли не с ночи. Благо, что кассы Аэрофлота находились в двух сотнях метров от нашего дома. Так я летал в Ленинград и обратно вплоть до завершения учёбы в университете. И мне пришлось опять вернуться к поездкам. Причина понятна – до этого мои поездки финансировала мама, а с выходом на работу мне пришлось бы летать за свои, причём уже не одному, а с юной женой, на которой я женился ещё на четвёртом курсе. Хотя следует вспомнить мою прохиндейскую натуру. Я не сдал студенческий билет, жена ещё училась и мы могли пользоваться льготами. Грамотно подправляя сроки действия этих билетов, мы продлили такой режим экономии на почти десять лет. Далее уже было невозможно по причине прихода его в полную негодность. Истрепался, бя! Но скидки давались на время каникул – осенне-зимне-весенних, и на летние не распространя-

лись.

По этой причине в отпуск на долгие годы в плацкарте, а то и общем вагоне вплоть до третьей полки. Причём бывали случаи, что не сутки и не двое... Помню, мы с женой, другом Санькой и его зазновой, одновременно нашей с ним одногруппницей по физфаку университета Валюхой, после очередной шабашки в Сибири решили пройтись пешком по Уссурийской тайге. То что Валюха была Санькиной зазновой, она или не представляла или делала вид, что не представляет. Но была она страстной путешественницей и поэтому делать вид, что Санька как бы при ней большого труда Валюхе не представляло. Так как эта самая шабашка была на полпути до Владивостока, то мы решили добираться поездом и заказали билеты в плацкартный вагон для экономии. Всё шло по плану, но, как известно человек полагает, а... в данном случае природа, располагает. И вздумалось ей располагать аккуратно в этой части Союза. Шли дожди. Не день и не два, а неделю и больше. И к моменту прибытия нашего поезда в Иркутск, дальнейшую часть дороги вдоль Байкала смыло в этот самый Байкал. У нас было два варианта: пароходом объехать повреждённый кусок дороги или полететь в Улан-Удэ. Оба маршрута выполнялись по нашим железнодорожным билетом. Для экономии времени мы полетели и когда прибыли на ж/д вокзал в Улан-Удэ, то застали картину типа последняя эвакуация населения из Ленинграда в сорок пер-

вом году. Тысячи людей из тех, которые прибыли с Дальнего Востока и тех, которые, как и мы, стремились туда попасть, собрались на ограниченной территории. Прибывшие из Владивостока и окрестностей толкались на вокзале и на при вокзальной площади, ожидая, когда их подберут и доставят туда, откуда принесло нас. Толпа же наших потенциальных попутчиков толкалась на том же вокзале и на платформах. Периодически подходили составы, из которых выгружалась дальневосточная публика, потом этот состав отгонялся на запасные пути, приводился в порядок и возвращался, чтобы двинуться в обратном направлении. Вид того, как толпа штурмует поезд, напоминал мне Бородинское сражение в части битвы за батарею Раевского. Я понял, что может мы с Санькой и прорвёмся к знамени полка, точнее к полкам, но что делать с девицами? И тут моя прохиндейская натура в очередной раз показала себя в полной красе.

Я предложил Саньке идти со мной к запасным путям, где по моим представлениям готовился к отправке очередной поезд. Понимая, что не до жиру быть бы живу, я предложил наостриться на общий вагон. Тем более, как справедливо полагал, все вагоны в этой ситуации будут общими. Тогда вы спросите, а что же мы не полезли в купе или положенный по билету плацкарт. Да потому, что только в общем есть третьи полки. Как оказалось, я был прав на все сто. Подойдя к составу, я поинтересовался, когда его подадут. Маши-

нист ответил, что через минут сорок – час. Тогда я попросил Саньку молчать, и мы прошли вдоль поезда. Я принял выражение лица человека потерявшего тещу, но обнаружившего, что та завещала всё своему единственному зятю. Санька же шёл с видом человека, который надеется, что и ему обломится чего-нибудь при дележе наследства. Подойдя к первому же общему вагону, я обратился к проводнице:

– У нас проблема. Мы возвращаемся домой из Свердловска, но у моей жены сильно повреждена нога, может быть даже перелом. С трудом добрались до вокзала и как нам пробиться с ней в вагон при такой давке, ума не приложу

Говорил я жалостливо, войдя в роль безутешного мужа, который попал в жуткую ситуацию, по молодости лет растерян и лишь надежда на добрых людей не даёт отчаяться.

– Вся надежда на Вас. Может быть, Вы разрешите нам сейчас забраться в Ваш общий вагон, несмотря на наличие билетов в плацкарт.

Голос у меня в конце речи дрогнул, Санька зашмыгал носом и чуть не прослезился. Как он сказал позже, он реально проникся, представил и... поверил.

Проводница посмотрела в мои честные глаза, потупилась, покраснела и сказала, чтоб поторопились. Мы рванули к девицам, объяснили ситуацию и двинулись к вожаделенному вагону. Перед входом Валюха взяла рюкзак жены, а мы с Санькой подхватили «раненую» с двух сторон и втиснулись в пустой вагон.

– Так, – скомандовал я. – Мы с Санькой на третьих полках, девки на вторых.

– Может лучше вы на вторых, а мы на нижних, – пропищала моя юная и неопытная жена.

– Ага, чтоб вы потом сидели всю дорогу. Нет, так и только так.

Мы разлеглись и стали ждать. Вскоре поезд двинулся и через несколько минут остановился у перрона. Да, штурм рейхстага отдыхает... Как и оказалось, все кто по глупости заняли нижние полки, просидели на них до Владивостока почти пять дней. Особо сообразительные заняли, как и мы, третьи полки, просто умные и шустрые разместились на вторых. Беда людей сплачивает, и эта поездка на третьей полке в обнимку с какой-то трубой осталась в памяти как приятное приключение. Одно только напрягало. В соседнем купе какой-то любитель Ободзинского трое суток подряд с небольшой передышкой на ночь крутил пластинку «Эти глаза напротив...» на портативной радиоле. Из-за этого я на несколько десятилетий возненавидел советскую эстраду и отошёл лишь с выходом на пенсию.

Поезда меня ещё привлекали надёжностью. Как правило, отправлялись они точно по расписанию и приходили в пункт назначения тоже... ну, почти по расписанию. Опоздания в пределах часа за опоздание не считалось, но вот когда на сутки, что бывало, тогда да. Но меня всегда интересовало

лишь расписание отправления, а когда садился в поезд, то время прибытия мало волновало. Кстати поезд давал ещё одно прекрасное ощущение. Ты сидишь, но и движешься одновременно. Выйти не можешь, поэтому не суетись, расслабься, сиди спокойно и наслаждайся, смотри в окно, любуйся пейзажами, ходи в ресторан на традиционную солянку, рюмку водки, мясной салат и свиной эскалоп с пюре... Даже в самые застойные времена, даже в период всеобщего дефицита железнодорожная кухня радовала своим постоянством и разнообразием при относительно неплохом качестве. Всё это выгодно отличало от самолётов, у которых было одно неоспоримое преимущество – скорость и, соответственно, время в пути. Правда, заметно это лишь на длинных расстояниях. А вот проклятая зависимость от погоды... Это сейчас лишь какой-нибудь реальный катаклизм может привести к задержке рейса. А раньше полёт на самолёте был сродни игры в рулетку – повезёт-не-повезёт. Причём задержки рейсов были иногда просто необъяснимыми. Бывало, прилетаешь куда-нибудь после полу суток сидения в аэропорту отправления, а тут ясная погода, ни ветра, ни тумана, ни дождя. Почему задержали, почему не объяснили... Правда, я не так давно столкнулся с подобной ситуацией в Штатах. Вылетал я, кажется из Нэшвиля. Прошёл регистрацию, нас вызвали на посадку. Стоим возле выхода к самолёту. Пять минут, десять, полчаса, час... Пошёл второй, американцы народ странный, стоят, вроде бы возмущаются, но как-то ти-

хо, нерешительно. Я не выдержал и по советской привычке взбунтовался. В результате моих громких воззваний к справедливости появилась какая-то дама и несколько смущённо сообщила, что вот-вот, буквально через несколько минут мы пойдём к самолёту. И действительно, появились пилоты и стюардессы, и мы двинулись за ними. Я тихонько спросил у дамы, мол, в чём-то дело было.

– Да пилотов никак не могли найти, – слегка покраснев, также тихонько ответила она.

В те времена малейший туман, слишком низкая облачность, сильный ветер могли задержать рейс. Мне приходилось сидеть в аэропортах часами, иногда даже сутками, но рекорд был установлен накануне Нового года в Киеве, когда мы трое суток пытались улететь в Кировоград к тёще. Не дождавшись, сдали билеты и поехали на автобусе, куда нас устроил мой отчим, замминистра, позвонивший своему украинскому коллеге. Прибыли мы домой в восемь вечера тридцать первого декабря...

При всех достоинствах, поезда имели два серьёзных недостатка. Первый – билеты. Когда Аэрофлот перетянул на себя немало поклонников железнодорожного сообщения, он и льготы поубавил и цены приподнял, что вернуло часть «предателей» в лоно ж/д. С другой стороны, при довольно развитом авиасообщении, Аэрофлот не мог тягаться с поездами по определённым направлениям и в определённое вре-

мя. Как то летние отпуска и Крым с Кавказом. Один поезд из четырнадцати-пятнадцати вагонов за один раз перевозил до 700 пассажиров жаждущих окунуться в Чёрное море. Самолёт же в лучшем случае мог взять на борт 100—150. Вот и легко посчитать, сколько надо было самолётов, например, для доставки москвичей в Симферополь, если учесть, что поездов на этом направлении было как минимум три туда и столько же обратно. А помимо Москвы, как вы понимаете... Кроме того, крути не крути, а плацкарт стоил заметно меньше полной стоимости авиабилета. Вот и тысячи будущих пассажиров по всей стране вставали на ночную вахту у ж/д касс за сорок пять суток до своей даты отъезда в отпуск на море. А если придёшь к открытию, то, когда твоя очередь подойдёт, вместо билета из кассы покажут фигу. Но может даже не дойдешь. В середине очереди раздастся голос по громкой связи:

– Граждане, на 15 июля все билеты до Симферополя проданы.

И ты уж следующую ночь прстоишь как миленький...

В не сезон, конечно, ситуация попроще и не за сорок пять суток, а за недельку-две можно побеспокоится. Правда, по некоторым направлениям это далеко не факт. Может и за месяц придётся, особенно если вы из Мухасранска в Москву за дефицитом решили сгонять.

Вы скажете, а что на самолёт проще? Да нет, и на самолёт

было не проще, хотя всё-таки из экономических соображений спрос был гораздо меньше. Ведь на самолёт все билеты на одну цену, не то что в поезде, где между общим вагоном без мест и купе, не говоря уж об СВ разница достигала трёх и более раз. И поэтому на направлениях, где ходили поезда и летали самолёты, Аэрофлот был относительно доступен.

Вторым недостатком был собственно сам поезд, точнее вагон, точнее то, что внутри или одним словом комфорт. Который принципиально зависел от того, какой это: скорый или пассажирский или фирменный, И, главное, где ходил он. Одно дело, если фирменный, к примеру, между Москвой и Минском, другое, если это пассажирский между ст. Каган и городом Турткуль в Узбекистане. Фирменный номер два Минск-Москва не имел плацкартных вагонов, только купе и пара СВ, и его пассажирами были в основном командированные разного уровня. В том числе весьма высокого. Поэтому ослепительная чистота, новенькое постельное белье, вышколенные проводницы, чай плюс к нему богатый выбор. Упомянутый выше узбекский пассажирский я описывал в своих записках путешественника. Мы с женой испытали удовольствие от поездки на этом транспорте. И, хотя, как опытные, стали в положенном месте на платформе, и двери вагона оказались прямо перед нами и мы первые ступили на лесенку, нас, напираящая сзади толпень, мгновенно протолкнула через весь вагон. Я смог лишь в последний момент зацепиться за косяк двери в туалете. Сама дверь бы-

ла выломана и уложена на унитаз. На ней мы с женой и просидели всю ночь. Остальная толпа стояла в проходе, между полками, сидела на всех, включая третьи... Похожие поезда курсировали и в Сибири, где получили название бичевозы. Там в придачу к подобным «удобствам» добавлялся и весьма специфический контингент. Иногда, находясь в его окружении, было ощущение, что тебя везут не к месту назначения, а к месту отбывания заключения.

Особенно разницу в условиях проезда в железнодорожном транспорте я понял во время моей первой поездке на поезде из аэропорта Франкфурта в Бонн. То, что поезд движется я смог понять лишь по тому, что в окне увидел проплывающее мимо здание вокзала, а вид вагона внутри произвёл меня впечатление подобное тому, которое пережил житель далёкого Чукотского Севера, впервые в жизни попавший в город и не просто в город, а Питер, и не просто в Питер, а прямиком в Эрмитаж.

К счастью, испытывать свой организм путём проезда в бичевозах и пассажирских поездах указанной выше комфортности я перестал довольно быстро. Определив на многие годы местом летнего отдыха благословенный край на юге восточной Сибири, а также Среднюю Азию, Крым и Кавказ на обратном пути оттуда домой, я связал себя крепкими узами с Аэрофлотом. А чтобы эти узы не рвались, то каждое лето вначале проводил месячишко на шабашках, куда

опять же летал самолётами. Шабашка обеспечивала нашу семью не только приятными бытовыми мелочами, а жену обновами, но возможностью оплачивать указанные узы. Поезда же вернулись в мою жизнь тогда, когда я окончил университет и поступил на работу в Ядерный центр. К счастью оказалось, что основные направления моих командировочных скитаний обслуживались фирменными поездами. И я стал наслаждаться, как и в детстве, короткими мгновениями железнодорожной жизни.

Особенно после того, когда бухгалтерия сообщила, что мне разрешено ездить в СВ, как учёному секретарю Совета по защите диссертаций. Но любовь к поезду и СВ не должна была быть абстрактной – должны были быть веские причины для поездки. До моего секретарства основными направлениями поездок были Москва и Ленинград, а также расположенные недалеко от них ядерные центры. Как, например, Обнинск с знаменитым ФЭИ на сто первом километре от Москвы или Гатчина рядом с Питером. Изредка Свердловск, Горький или Киев. Поездок было совсем не много, но только купе. Что имело несколько недостатков. Первая и самая главная – сложность в приобретении билетов. Зачастую ехать надо было срочно, а билетов нет. Только СВ, и то не всегда, но из него оплачивали только часть, равную купейному билету. Не страшно, но неприятно. Вторая причина – четыре человека в купе. В тёплую погоду ничего, а вот зимой в морозную кошмар. Как известно в отечественных поездах

температура в купе не регулируется, её проводник устанавливает на весь вагон. Ночь, проводник тоже человек и хочет спать, остановок до Москвы раз-два и обчёлся. Печка раскочегаривалась то тропической жары и спать я не мог. Особенно, если выпадала верхняя полка. И, наконец, третья – храп. Я в молодые годы мог спать в любых условиях, лёжа, сидя стоя, при любом шуме, кроме храпа. Даже если он был не громким. Как правило, среди соседей по купе находилась одна сволочь. Всё, до утра ни в одном глазу. Позже появились беруши и меня это спасало. А чтобы снять первые две причины я перешёл на дневные поезда. И спать не обязательно, можно лишь подремать, и проводник с печкой не зверствует.

Секретарство не только дало право на проезд в СВ, но и существенно увеличило число поездок именно в Москву. Почему Вы спросите, данный факт столь важен. Этому есть несколько объяснений. Начало восьмидесятых. Строительство развитого социализма завершилось и, как следствие, началась эпоха дефицита. Всего, но не везде. Парадоксы советской системы были таковы, что в одном месте полки в магазинах ломились от продукта, который в другом месте брался с боем раз в квартал в лучшем случае. Исключением была Москва. Как тогда шутили, проблему снабжения в СССР решали просто: всё свозили в столицу, откуда граждане со всей страны уже сами доставляли домой. Я

не был исключением. Минск всё же снабжался гораздо лучше, чем большинство городов Союза, но заметно хуже первопрестольной. А семейка наша была гораздо насчёт вкусенького... Вот поэтому командировки в Москву для меня были сродни поездок заготовителя продовольствия периода продразвёрстки. Должность Учёного секретаря совета по защите диссертаций была с одной стороны не очень обременительной, но с другой – даже очень. Всё зависело от того, как эта работа выполнялась. До меня считалось, что соискатель учёной степени априори виновен. Во всём – начиная с того, что имел наглость написать диссертацию, кончая проблемами, которые принёс на голову секретаря. Соискателем можно было помыкать, гонять его в три шеи, постоянно требовать устранять те или иные недостатки работы, заставляя выполнять самые разные дурацкие поручения типа сгонять в Академию за новым бюллетенем ВАКа, отвезти в центральную библиотеку авторефераты счастливца, успешно прошедшего пытки Учёным советом и многое другое. При этом подготовку к очередному заседанию Совета, а также всех документов после защиты секретарь взваливал на приданого помощника. Как правило, сотрудника какого-либо вспомогательного подразделения института. Итак, секретарь лишь стрижёт купоны, изредка ездит в ВАК по вызову, посещает банкеты по защите, принимает подношения благодарных соискателей, имеет отношения вась-вась с руководством института. В связи с этим претенденты на сей пост всегда имеются

и конец очереди едва виден. Я же попал на него почти случайно, хотя...

Секретарём совета до меня была зав одной из лабораторий института по прозвищу баба Тоня. Сталинская стипендиатка, кандидат наук, неплохой учёный, но бестолковая и глуповатая в житейском смысле. К тому же вредная, завистливая и не считавшая соискателя человеком. Натерпелся я от неё, словами не описать. Ну, ладно, чёрт с ней, я о другом. Так случилось (очередная удача!), что в день моей защиты в институт приехали Главный конструктор и Главный проектант атомной станции, которую мы разрабатывали. Директор тут же предложил им принять участие в работе Учёного совета в качестве временных его членов, что ВА-Ком допускалось. Я же к моменту выхода на трибуну выступал несчётное число раз на самых разных площадках – начиная с семинара лаборатории до Ученого совета ведущей организации, коей был наш главный оппонент ФЭИ. К этому стоит добавить несколько лет на сцене с нашими с женой программами по истории живописи. Так что за всю историю института я был первым по-настоящему опытным оратором в отличие от всех тех, кто до меня защищался. Кроме этого, я пару раз был на защитах и выяснил три основных правила:

- тебе даётся двадцать минут. Члены совета готовы промучиться это время, но любое его превышение вызывает законное раздражение и чревато появлением «чёрных» шаров

при голосовании;

– однако если член совета задаёт вопрос после твоего выступления, он переводит стрелки раздражения остальных на себя, а соискатель быстро и правильно ответив, наоборот увеличивает шансы благополучного исхода;

– особенно благоприятное впечатление на членов Совета может произвести следующий трюк. Соискатель в своём докладе приводит некий результат, который одному из членов Совета кажется неправильным и даже абсурдным. Он внутренне потирает руки типа: «Щас он у меня получит!» И как только подсудимый завершает свой доклад, этот член тут же лезет вперёд всех со своим вопросом. И тут-то начинается спектакль. Соискатель сдержанно благодарит за вопрос и так отвечает, что остальным членам становится ясно – соискатель молодец и умница, а коллега – мудак. Член, который мудак сконфуженно молчит, но проголосовать против не может, так как всем станет ясно, кто бросил чёрный шар. Конечно же он, мудак!

Я с блеском уложился в девятнадцать минут, спровоцировал одного из членов Совета на «каверзный» вопрос, так прокомментировал замечания ведущей организации, что директор, он же Председатель Совета аж прослезился. Триумф был полный, впервые в истории Совет проводил меня аплодисментами. На следующий день директор вызвал меня и сообщил, что назначает меня Учёным секретарём вместо бабы Тони, а так как по положению ВАКа им должен быть стар-

ший научный сотрудник, он меня также назначает и.о. снс. Как только я получу открытку из ВАКа об утверждении моей диссертации, приставка и.о. отвалится, даже до того, как придёт диплом. Рекорд, который до сих пор не побит.

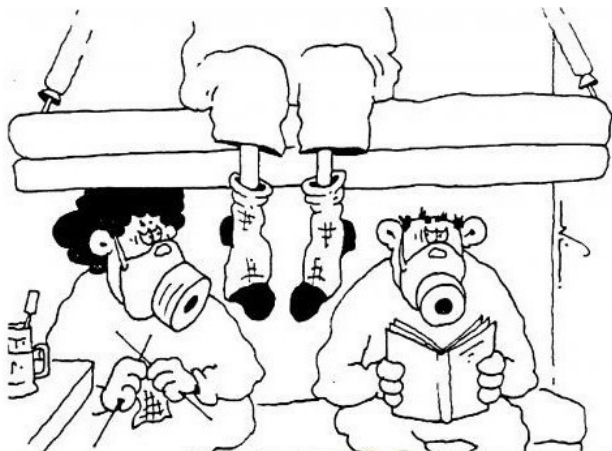
Став Секретарём я полностью изменил работу Совета, да так, что к нам потянулись соискатели со всего Союза. В отличие от бабы Тони, я рассматривал соискателя как героя, заслуживающего степень даже без защиты. Практически каждый приносил свой труд, который не только не удовлетворял требованиям ВАКа, но и даже здравому смыслу. Некий почти бессмысленный набор исследований, похожий на бред учёного утром первого января. Я усаживал его рядом и с помощью клея, ножниц и какой-то матери преображал сей труд в приличную диссертацию. Потом я дрессировал соискателя, готовя его к выступлению на Совете, помогал оформить все необходимые документы. За пятнадцать лет через мои руки прошло не менее сотни кандидатских и докторских диссертаций и ни разу мы не получили ни одного замечания от ВАКа. Все работы были безоговорочно утверждены! Взятки я не... Ну, не взятки, а так приятные подарочки натуральными продуктами – хорошей рыбкой (соискатель из Астрахани), коньяком (Кишинёв), путёвкой на озеро Исскандеркуль (Душанбе) и т. д. Но главным было не это, а то, что я придумал, как существенно увеличить число полезных командировок в Москву. Дело в том, что хотя ВАК в СССР был один,

но в нём был т.н. спец ВАК, который подчинялся могучему Средмашу (министерство среднего машиностроения). Туда поступали работы из всех институтов и ядерных центров, которые или напрямую подчинялись этому министерству или, как наш, кормились из его рук. После первого же заседания Совета со мной, я связался с этим спец ВАКом на предмет неких консультаций для свежееиспечённого секретаря. Меня переадресовали к чиновнику, курирующего наш институт и я договорился о личной встрече. Вот так организовалась первая поездка и все последующие. ВАК открывал свои двери в шестнадцать часов. Поэтому первое время я ехал ночным поездом в Москву. До открытия ВАКа обегал нужные магазины, а также два НИИ, где служили мои приятели-коллеги. Им я вёз наш белорусский продукт, а взамен получал по списку, согласованному накануне поездки, недоступные в Минске деликатесы. Как-то: финский сервелат, чай «Бодрость», кофе «Арабика», плавленый сыр «Виола (Финляндия)», башкирский мёд в оригинальной упаковке и другую подобную вкуснятину, которая поступала в столы заказов упомянутых НИИ. В магазинах же я отоваривался сыром «Рокфор», редкими рыбными консервами, яблоками «Джонатан», апельсинами, бананами и прочими продуктами, столь желаемыми моим семейством. Затарившись под завязку, я доставлял эту снедь на Белорусский вокзал в автоматическую камеру хранения. Далее следовал дежурный обед в ресторане «Будапешт» за мои командировочные день-

ги. Потом, наконец, ВАК. Полчаса и я уже бегу на выставку. Иногда в Манеж, иногда в музей. А на закате дня медленно прогуливаюсь по улице тогда Горького до вокзала. Забираю добычу из камеры и домой... В первый же визит я объяснял чиновника и мы с ним договорились, что буду приезжать как минимум раз в месяц-два. Что стоило мне небольшого подарка, необременительного для нашего бюджета. Родному же руководству я объяснял частые визиты в ВАК, во-первых, большим числом защит нашим Советом, а, во-вторых, заботой о репутации Совета и для предупреждения возможных случайных проблем. Директор, он же Председатель, вдохновлённый результатами моей деятельности, не возражал. Такая частота поездок плюс обычные командировки позволили нам с женой и сыном безболезненно и даже с удовольствием пережить смутное время до августа девяносто первого, а также несколько лет уже в новой стране. Ближе к концу девяностых у нас создался свой ВАК, наше благосостояние существенно выросло, а дефицит исчез. Надобности в заготовительных поездках пропала.

Суточные в те времена были небольшими, и я решил ездить дневным поездом, мотивируя в бухгалтерии отсутствием билетов на популярные ночные фирменные. Это давало мне возможность увеличить продолжительность командировки и получить дополнительный доход путём мелкого мошенничества. Во время таких поездок я жил у свояков.

А отчитывался за гостиницу. Тогда в Измайлове были четыре гостиницы – Альфа, Бета, Гамма и Дельта. Точнее гостиница одна, а корпусов четыре. В вестибюле Беты всегда можно было найти жучков, подрабатывающих на командированных. За очень небольшую мзду они выписывали квитанции на любой срок и любую сумму. Можно, конечно, было и совсем опуститься, купить билет в плацкарт, а перед самой Москвой подойти в СВ и попросить билет. Часто там ездили определённые типы, которым билет и на фиг был не нужен. В основном, с лицами, как говорят сейчас, кавказской национальности. То же самое по возвращении домой. Несколько раз я пользовался таким приёмом, но с существенным улучшением материального положения перестал. Потом началась новая жизнь, но привычка ездить в СВ не только не ушла, но окрепла, так как я сначала директорствовал в небольшом, но республиканском центре и СВ мне полагался по статусу, а потом перешёл зам ген директора в частную фирму. Где сразу же выторговал себе право на СВ.

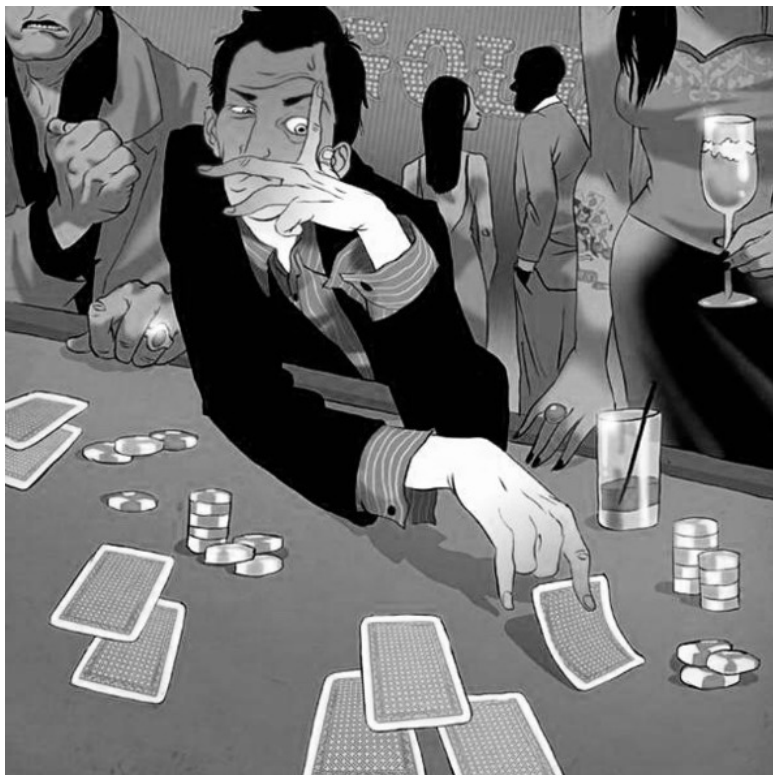

Всё было хорошо в дневных поездах и в этих вагонах, но... Попутчики. Как правило, я предупреждал попадание их в моё купе. Для этого приходил к поезду заранее к моменту, когда только начинали впускать пассажиров. Забросив вещи в купе, я начинал отираться рядом с проводницей, нехитрым вопросом втягивал в беседу, в которой жаловался на насморк, недавно перенесённый грипп с осложнениями, страшный храп, триппер и прочие нелестные для себя характеристики. Потом слегка намекал на то, что моему попутчику крупно не повезёт, если он будет ехать со мной в одном купе. Проводницы, как правило, женщины сердобольные, вагон СВ редко заполнялся целиком и поэтому моего потенциального попутчика осчастливливали устройством в другое купе, а я блаженствовал в гордом одиночестве. Однако это

не всегда прокатывало и приходилось терпеть. В таких случаях я утыкался в книгу или делал вид, что дремлю. Обедал же всегда в вагоне ресторана и поэтому легко избегал предложения выпить и закусить. Но, как я не старался, часто меня втягивали в дурацкие разговоры или дискуссии, и поездка была омрачена этой никому не нужной болтовнёй. Хотя бывали и другие случаи...

1. Покер и рулетка (почти правдивая история)

Я человек азартный и поэтому избегаю азартных игр. Могу просрать всё. Поэтому остерегаюсь. А моя мудрая мама плеснула водички в костёр моей азартности:

– Не играй ни в какие игры на деньги. Не участвуй ни в каких лотереях. Помни, каждому человеку выдаётся на жизнь определённое количество удач. Неважно каких. Выигрыш в лотерею и чудесное спасение в аварии одинаковы в общем списке. Профукаешь по мелочам, может не остаться для особо важного случая.

Не скажу, что я в это поверил, но на всякий случай всю свою жизнь руководствовался этим маминым напутствием и, похоже, поступил правильно. По крайней мере, оглядываясь на прошедшие годы, я удивляюсь тому, что все мои удачи носили как-бы случайный характер. Словно в какие-то важные моменты времени кто-то открывал мешочек с ними, вытаскивал первую попавшуюся и бросал мне.

Тем не менее, полностью избежать искушения поиграть не удавалась. Да и не ставил я перед собой такой задачи. Первый раз я увлёкся игрой в карты не на интерес, а на... нет, не на деньги, хотя то, на что мы играли в тот момент было больше чем изобретение финикийцев. Студенческий стройотряд в Сибири. Мы ремонтировали железную дорогу, бывшую комсомольскую стройку. Жили вдали от посёлка, сами готовили, а продукты привозили нам раз в неделю. Включая сигареты. Курьер, он же наш завхоз, он же Грыня, он же редкостный жмот. Хотя жмотом его звали недоброжелатели, а друзья – рачительным хозяином. Грыня наш друг и поэтому для нас он как двуликий Янус. Рачительным он был по продовольствию, жмотом – по куреву. Так как сам не курил, нас, курящих, презирал, а жадность объяснял заботой о нашем здоровье. По этой причине сигареты были на вес золота, и лучшей валюты для игры в покер было не придумать.

Нас четверо, идеальная компания для игры в классический покер на пяти картах. Мне везло, почти всё время. И как бывает, решил, что фортуна за меня и как многие в та-

кой ситуации не заметил, что смотрит она на меня не своими голубыми глазками, а жопой, да и то исчезающей в дали. У меня на руках каре. Партнёры слегка жмутся, мне же главное втянуть их в игру, изображая примитивный блеф. Из партнёров двое опытных, третий – Вовочка. Интеллигент до мозга костей. Ест семечки ножом и вилкой. По лицу можно читать как по раскрытой книге. Судя по первым её страницам на руках что-то типа стрита или тройки-двойки. Неплохо, буду играть на него. Тем более, что двое, в конце концов, пасанули. Ясный перец, лучше потерять по паре сигарет, чем вздуться на полпачки как минимум. Я отчаянно колеблюсь типа у меня на руках две пары или тройка, с испугом по одной сигарете тащу Вовочку вверх. Он с таким же испугом ползёт. Ну, думаю, ладно, я же не зверь. Дошли до полпачки, и я предлагаю сравняться. Вовочка медлит, я внутренне напрягаюсь. Он набрасывает, я тоже, деваться-то некуда. И так до пачки, потом уж две на кону!!! Наконец мы открываемся. Мать вашу – флеш-рояль. Пипец!!! До следующего появления Грыни пять дней, у меня десять сигарет. С таким запасом не отыгаться... Урок надолго.

Играть на деньги в нашей семье начал сын. Он научился играть в карты раньше, чем читать. Правда, сперва в дурака. Параллельно, а может даже и раньше он освоил жульничество. И стал драть всех наших гостей. При появлении нового лица сын упреждал нас и бросался к входящему (ей) с во-

просом:

– Дядя (тётя), а Вы в карты играете?

Получив утвердительный ответ, тут же тащил к себе в комнату и за полчаса раздевал до нитки. Точнее выигрывал все имеющиеся у жертвы пятаки. Другие деньги он не признавал, считал, что чем монета больше, тем лучше, а бумажные в грош не ставил. Если же гость признавался в неумении играть в дурака, сын презрительно фыркал и терял всякий интерес к пришедшему. Мы долго не подозревали об увлечении сына, и тем более о его умении, но однажды я случайно обнаружил его тайник. За задней стенкой негодного магнитофона «Днепр» лежало около сотни пятаков Астрономическая суммы для малолетнего преступника! Когда же он повзрослел, мы обучили его преферансу. В наших путешествиях это был отличный способ скрасить ожидание транспорта, дни в поезде или развлечься на привале. Просто так играть было не интересно, а на деньги с родителями бессмысленно. Умная жена предложила играть на работу. В смысле, кому мыть посуду, идти в магазин, сдавать стеклотару и прочее, прочее... И тут выяснилось, что в преферанс жульничать почти невозможно, ну может только подсмотреть карты соперника. И сын, бывало, проигрывал. Как оказалось, этого он не умел, дико расстраивался, обижался, особенно, если кто-то из нас начинал подшучивать над ним. Опять же умная жена чтобы не создавать проблемы в семье иногда поддавалась. И стоило сыну выиграть, настроение было превосходным це-

лый день, и он даже великодушно вызывался помогать проигравшему. Т.е. мамке. Страсть к азартным играм перешла к младшей внучке, и она донимает меня то покером на костях, то картами, то морским боем. К счастью, жульничать она не умеет, а учитывая материальное поощрение её бабушкой, играет просто на интерес. Но признаюсь, не только сына тянуло играть на деньги, но и я был слаб. И вот по какой причине. В те времена мы с женой и сыном летний отпуск проводили на юге Восточной Сибири в глухой тайге. Эти места я описал во «Враклях-3» и повторяться не буду. Возвращались в Минск, а аэропорт тогда ещё строился и работал временный деревянный терминал. Так вот в этом терминале установили игровые автоматы. Среди них было несколько покерных. Бросаешь двадцатикопеечную монету и начинаешь. Пока ждали багаж, а это аж до получаса, мы играли. Вот что удивительно, всегда выигрывали и набирали денег, достаточных для поездки на такси. Сын был в восторге – ведь везло, почему-то, именно ему. Много позже мы с женой заехали в Монте-Карло. Ну как тут не завернуть в знаменитое Казино. Сыграть в рулетку не осмелились, а вот с автоматами рискнули. Купили жетоны и стали играть в покер на двух автоматах. Жене везло, я тоже не проигрывал. Но, памятуя о предупреждении мамы, предложил играть, пока не проиграем всё, кроме первоначальных денег. Как назло, я быстро проиграл, а вот жена ещё долго выигрывала, пока я не подбил её на рисковую комбинацию и, наконец, проиг-

рала. Жена нудила, дескать, ерунда эти теории, могли ведь остановиться и прогулять выигрыш. Я, честно говоря, и сам пожалел. И когда в Каннах мы нашли небольшое казино, то стали заходить туда по вечерам. Договорились, что если начинаем проигрывать, останавливаемся и не рискуем. Интересный результат, за пару недель мы оказались в небольшом выигрыше, где-то около сотни евро в сумме. Их мы грохнули в ресторане с огромным удовольствием.

Эти воспоминания мне навяло содержимое чемодана, который я как раз открыл, чтобы достать несессер с мытейными принадлежностями. Я ехал в очередную командировку в Москву и вёз с собой подарок своякам. Сестра жены и её муж были большими любителями всяческих игр – от карт до популярной в то время монополии. У нас в Минске в продаже появилась рулетка. Почти как настоящая, только размерами гораздо меньше. А так как я обычно останавливался у них, да день рождения Саши, свояка, попадал как раз на мой визит, лучшего подарка и не придумать! Поезд был дневной, вагон СВ, в купе я и мужчина.

Вот и тогда...

– О, у Вас рулетка?

Это обратился ко мне попутчик, который заметил подарок свояку в тот момент, когда я собрался закрыть чемодан. Он появился в купе уже тогда, когда поезд тронулся, а я, было, возрадовался спокойному одиночеству. Выше среднего

роста, где-то около ста восьмидесяти, с правильными чертами лица, большими серыми глазами, тёмно русыми волосами с глубокими залысинами, за сорок и ближе к пятидесяти. Одет очень прилично. Очень. Серый макинтош, настоящий именно фирменный макинтош дивного серого цвета и алой шёлковой подкладкой. Точь-в-точь как мой, который случайно оторвала жена за такие деньги, что стоило мне его надеть, как в глазах стояли доллары до тех пор, пока я с облегчением не вешал его в шкаф. К тому макинтошу ого-го шляпа, дорогой костюм, а штиблеты... ну, словом шик! Правда, дело было в наше время, граница открыта уже давно, так что хлебать было откуда...

– Да, родственникам везу, в подарок. Они любители азартных игр.

– А Вы?

– Ммм... Да. Но стараюсь не играть, особенно на деньги. Боюсь, что не смогу остановиться.

И я рассказал историю с каре против флеш-рояли.

– А в рулетку не приходилось?

– Да, один раз. Я был с командировке в Германии и организаторы свозили нас в Баден-Баден в...

– Куда!? В казино Баден-Бадена?

– Ну да, выдали нам по пять фишек, каждая помнится по двадцать марок. Я решил не увлекаться, сыграл несколько раз, выиграл, кажется, втрое и остановился. Чувствовал, что затягивает, и я не удержусь. Тем более, что это было моё

первое попадание в такое место. Мне больше нравилось прохаживаться и наблюдать картинки, подобные тем, что описывались в многочисленных классических произведениях. Я удивлялся – насколько же точно описание соответствует действительности. Те же типажи, та же атмосфера...

– Баден-Баден... Как же, я знаю это казино. Да ещё и как.

Попутчик переоделся, потом уселся за столик, достал из сумки объёмный свёрток со снедью, бутылку водки и предложил присоединиться. Я же успел переодеться до его прихода, а с собой взял почти ничего, так как завтракал плотно и имел в виду обед в вагоне ресторана. Где я, как правило, заказывал всегда одно и то же: солянку, рюмку водки, свиной эскалоп с картофелем фри и кофе с эклером. Поездка в СВ для меня была что-то в роде ритуала и указанный обед был его неотъемлемой частью. Поэтому начал отказываться, но попутчик настоял. Мы выпили, закусили, потом ещё, так рюмочка за рюмочкой и бутылки как не бывало. Проводница принесла чаю, я вытащил свой обеденный эклер и честно предложил поделиться. Но попутчик со словами, сладкого не потребляю, отказался. Я не расстроился.

После водки меня потянуло в сон, но тут попутчик как бы в продолжение своей фразы про Баден-Баден продолжил.

– Вы упомянули казино... Я бы многое отдал, чтобы не знать и никогда не слышать это слово. Ладно, если не возражаете, расскажу Вам историю.

Ну, что делать. Придётся расплачиваться за угощение и я не возразил.

– В начале девяностых, я ещё студент мехмата, не важно, какого московского ВУЗа. Мы с родителями живём в коммуналке. Мы плюс пять семей. Родители на пенсии. Я поздний ребёнок. Комната пятнадцать метров, длиннющий коридор, кухня с единственным краном холодной воды. Туа-

лет и ванна, которые последний раз ремонтировался перед октябрьской революцией. Но и это не всё. Двор – колодец. Наше единственное окно упиралась стену эркера соседней квартиры и небо можно было рассмотреть, только высунувшись из окна по пояс. Склоки и скандалы между соседями. Моя мама выделялась грамотностью и поэтому всегда стояла над схватками. Она в основном помогала сочинять жалобы соседей друг на друга, консультировала стороны и всегда старалась погасить конфликт в зародыше. Чаще всего ей это удавалась, поэтому она сыскала уважение у всех жильцов. Отец же был тих и молчалив, типичный подкаблучник. Денег в семье нет, я пытаюсь подработать, но это удаётся редко. А тут по телевизору: МММ! Родители поддались и понесли какие-то крохи. На моё удивление, утроили первоначальный взнос. Глаза у них загорелись и мне:

– Давай мол, щас разбогатеем.

Я же ещё со школы слыл хорошим математиком. Присмотрелся я и сообразил – типичная пирамида! Понятно, что можно играть до поры до времени, но как эту пору подгадать? Короче говоря, прикинул, кое-что посчитал и определил срок. Риск был, конечно, но... Сказал родителям, чтоб не вмешивались, дескать, я сам. Они доверились, собрали денег, у кого-то заняли, кое-что сдали в ломбард и вручили мне по тем временам огромную сумму в тысячу долларов. И я начал. Срок же мной был определён середина июля девяносто четвёртого. Операции с билетами МММ не меша-

ли учёбе, и как раз весной я с блеском защитил диплом. Почувяв, что крах МММ может наступить раньше моего срока, последнюю сделку провёл в самом конце июня, обменял все рубли на доллары и подвёл баланс – чистая прибыль составляла почти десять тысяч долларов. Почему не больше, Вы спросите? Да потому, что в отличие от других вкладчиков, я всё время откладывал часть выигрыша, которую пускал на строительство. Дело в том, что коммуналка наша хоть и была в центре Москвы, но, как я уже говорил, отличалась особым отсутствием даже минимальных удобств. Поэтому я решил построить дом, где родители на старости лет смогли бы пожить по-человечески, где будет место и для меня и моей будущей жены, детей. За удачей с МММ, после которой я получил прозвище Лёня Голубков, были сначала «Хопер», потом «Нефть-Алмаз инвест». Я рассчитывал срок жизни этих пирамид и в результате не только полностью завершил дом, но обзавёлся нормальным авто и солидными счетами в банках – один в Москве белый, второй в Варшаве... ну, не совсем белый. Так, на всякий случай. Мы все поселились в доме между Москвой и Вязьмой. И в завершение той белой полосы жизни устроился в приличную фирму. Её владельцем был мой однокашник по институту. Фирма была небольшая – крутилась на бирже, занималась маркетингом, различного рода консультациями типа, где купить подешевле, а продать подороже. Такую работу можно было бы выполнять, не вставая с дивана, но шеф по случаю прику-

пил небольшое, но приличное здание между центром города и окраиной рядом со станцией метро, привел в порядок, сам устроил офис на верхнем, третьем этаже, а первые два выгодно сдавал в аренду. Сотрудников набрал всего пару десятков и процесс пошёл. Я у него стал нечто вроде первого советника, что меня очень устраивало. Эта синекура не требовала от меня постоянно находиться на рабочем месте. Большую часть работы я выполнял за компьютером или в передвижениях по городу. К этому времени я завёл кучу полезных знакомств, которые снабжали меня деликатной информацией. За что я расплачивался с ними некоторыми полезными советами. Эта деятельность была настолько взаимовыгодной, что в скором времени я создал себе образ весьма квалифицированного аналитика, чьим прогнозам можно было доверять. И в полноводную финансовую реку впадающую в мой карман от шефа, вливалось множество ручейков со стороны. Мой имидж взлетел на недостижимую высоту после известных событий августа 1998 года. Где-то в конце мая, анализируя ситуацию в стране, меня насторожил ряд событий. Я пришёл к шефу, поинтересовался, в какой валюте у нас счета и предложил перевести все рублёвые в доллары. Шеф несказанно удивился, так как обменный курс был в тот момент не очень, а, с другой стороны, все наши партнеры работали именно в рублях. Я настаивал и просил сразу же по поступлению оплат по контрактам конвертировать в доллары. Это же я сделал и собственными счетами. Шеф поупирал-

ся, но поскольку относился к моим прогнозам с доверием, крикнул и выполнил. Этот же совет я дал трём особо ценным источникам информации. Двое из которых, ему последовали, а третий собздел. Правда шеф пенял мне, что на этом потерял приличные деньги. Ведь теперь для различных оплат приходилась делать обратную конвертацию. Часть моих коллег (к счастью, большая) последовала за мной и когда грянул дефолт, наша фирма была одной из немногих, которые не только не прогорели, а наоборот, нагрели родное государство. Шеф пил три дня, коллеги почти неделю. Те, что послушали – от счастья, остальные – с горя. Третий источник, не послушавшийся моего совета обанкротился вчистую, два последовавших озолотились сами и частично озолотили меня. Белая полоса моей тогдашней жизни стала белее свежее выпавшего снега в горах Кавказа.

Прошло почти семь лет, которые омрачились уходом родителей, но оцвелились удачной женитьбой. Родилась дочка, жизнь сверкала, как грани бриллианта. Фирма процветала, но некоторые операции были, мягко говоря, не вполне прозрачными. Наслушавшись историй о всякой уголовщине, конфискации имущества, различных сроках в известных местах, я перевел на жену всё – от дома, машины до счетов в банках. Правда, за исключением варшавского. Доступ к московским счетам был у нас обоих, но в случае непредвиденных событий с меня кроме трусов, носков и прочей оде-

жонки взять было нечего. И вот однажды летом, сбавив дочку теще с тестем на юга, взяв все положенные отгулы и приплюсовав их к отпуску, я получил два месяца полной свободы. Жена же, как новоиспечённый доцент одного престижного ВУЗа имела эти два месяца по закону. И мы решили гулянуть по Европе. Сначала три недели на море на Лазурном берегу, потом по Провансу, далее Бавария, Карлсруе и... Баден-Баден. Решили пару-тройку дней водички попить их волшебной. Отель рядом со знаменитой аллеей Лихтенталер буквально в сотне метров от термального комплекса. И вот гуляем вдоль речки Ос, пьём из специальных кружечек противную, но ооччеенъ лечебную дрянь, дышим чудным воздухом, себя кажем, на прохожих пялимся. Германия, значит пиво, мясо, колбаски и прочие радости. Гуляли, гуляли, глядь знаменитое казино. Жена мне:

– Давай, зайдём, сыграем по маленькой.

– Как Фёдор Михайлович? Он тут много оставил. Небось, тоже начинал по маленькой.

– Ладно, давай так. Возьмём по 100 евро. Кошельки и карточки оставим в сейфе отеля. Так что в худшем случае проиграем эти двести евро. Ничего страшного.

Ну, чего с любимой спорить. Занесли деньги и карточки в отель и отправились поиграть с судьбой. Знал бы я, чем игра закончится! Зашли, у нас паспорта спросили, занесли данные в компьютер. Это на случай, если мы жульё и намерены ободрать казино. Выдали десять фишек каждому по 10 евро

штука и мы зашли в зал. У рулетки было несколько свободных мест. Сели и стали наблюдать. Я жене говорю:

– Можно попробовать самый простой вариант. Смотри. Я ставлю одну фишку, скажем на красное. Выиграли, стало две фишки. Ставим их, выиграли, получили четыре и так далее.

– А если проиграли?

– Тогда ставим уже две. Значит, если выиграли, то выигрыш составил четыре минус три итого одна, как и в первом случае.

– А если мы выиграли три раза подряд, а на четвёртый проиграли?

– Неважно, сколько бы мы не выиграли удваивая ставку, начинаем снова с двух.

– Хорошо, а если проиграли в самый первый раз?

– Тогда ставим две, если их проиграли, ставим четыре. Но на красное. Рано или поздно выпадет красное и у нас будет в выигрыше одна фишка. А будет везти, то может быть много, хотя нужно иметь силы, чтобы вовремя остановиться.

– Так в чём интерес?

– Смотри, можем сразу поставить все десять фишек на красное. Выиграем – вот тебе плюс 100 евро. Можем продолжать разные комбинации, а можем встать и пойти в ресторан, пропить выигрыш. В общем, начнём и посмотрим. Если будет везти, сможем выиграть, нет – профукаем и домой.

Начали. И тут нам попёрло. Ставили я на красное я, она

на чёт-нечёт. Я начал с одной фишки, потом расхрабрился, поставил все и три раза подряд выиграл, т.е. восемьсот, жена почти столько. Я предложил отложить на пропой первые двести плюс триста из выигрыша и продолжить играть дальше. К полуночи остановились. Общий чистый выигрыш составил почти две тысячи евро на двоих. Жена радовалась как ребёнок, я же хотя и был рад, но какое-то новое, как мне показалось, опасное чувство зародилось где-то внутри меня. Мы зашли в ресторан рядом с казино и пьянствовали до закрытия, до двух ночи. После первых рюмок чувство то ли меня оставило, то ли залегло глубоко, и я успокоился. Эх...

Вернулись домой, и жизнь пошла своим чередом. Фирма развивалась, вышла на Европу и тут пригодились мои отличные немецкий и английский. Первый я изучил в спецшколе, второй уже в институте, так как по моей специальности основные материалы были от американцев. Наш основной партнёр располагался на окраине Вены и шеф, который-то и по-русски говорил с трудом, взял меня в первую поездку, а позже вообще взвалил на меня эту «нелёгкую» обязанность вести дела не только в Австрии, но и в других странах Европы. Первый визит был краткосрочным, австрияки из всех сил пытались нас заманить и поэтому не давали про духа. Кончались переговоры, тут же ресторан, да не в Вене, а где-нибудь в особом месте. Особом с их гастрономической точки зрения. Так что посмотреть город мне удалось лишь ве-

чером накануне отъезда. Да и то в сопровождении гостеприимных партнёров. Впечатлений о Вене практически не было. Прошло несколько недель и вот я опять в Вене, но, к счастью, один. И в этот раз гостеприимство партнёров было излишне назойливым. Только через полгода после нескольких поездок они, наконец, стали ограничиваться лишь обедами в день моего приезда и отъезда. Лучше бы они продолжали. Наконец я один в Вене, могу осмотреться и познакомиться с городом. Шеф не возражал против моей задержки на субботу, а австрияки в пятницу отцеплялись от меня сразу же после прощального обеда, который в отличие от других дней устраивали в полдень. Так что полдня в пятницу плюс полный день в субботу. Ура! Приятель, который знал Вену как собственную квартиру, снабдил меня описанием нескольких маршрутов. Первый начинался вечером, когда стемнеет. Это особенно подчёркивал приятель.

– Ты можешь гулять по центру в дневное время, но когда станет совсем темно, выходи на Штефанплац и начинай, – говорил он мне.

Я так и сделал. Сначала медленно шёл по Грабен, упёрся в Кольмаркт, свернул налево, прошёл в арку и вышел к Хофбургу. Дааа, понятно, почему приятель настаивал на этом первом маршруте именно в такое время. Слева сверкала монументальный дворец, впереди за воротами Бургтор два потрясающих здания – музеи и памятник Марии Терезии между ними, а справа... Справа сверкала Ратуша. Труд-

но описать это чудо.

– Да, – прервал я его, – знаю, можете не описывать. Несколько лет назад такой же шок испытал я, когда впервые приехал в Вену в МАГАТЭ и чисто случайно вышел в это же место вечером.

– Да, да. Ладно, продолжаю. Прошёл вперед через ворота свернул налево по Рингу и дошёл до Оперы. Там опять налево и по Картнерштрассе направился к началу маршрута, к Штефанплац. И тут смотрю – казино. Вот тут то самое чувство вылезло из глубины моего организма, повернуло

сначала голову, потом всё туловище и, наконец, ноги к входу. Не помню, как я очутился за столом рулетки. Игра пошла, и я стал выигрывать. Сначала ставил только на красное. Пять раз подряд я удваивал свои первые сто евро. Вот уже три тысячи. Я ставлю их на сектор – девять! Всё, ещё один раз на то же красное все девять тысяч. Чёрное! Не может быть! Начинаю сначала, но фортуна плюнула, вильнула жопой и пересела на колени соседа по столу. Я проиграл всё – суточные, деньги, что были собой, снял с московской карточки ежедневный максимум пятьсот евро и столько же с варшавской. Потом сидел в ресторане и ждал, когда пройдёт полночь в Москве и снял опять пятьсот. Проиграл. Потом дождался полночи в Варшаве и снял те же пятьсот. Проиграл. Всё. Ни гроша в кармане. Слава богу, билеты на руках, отель оплачен, в чемодане водительские права с сотней долларов на случай дискуссии с гаишниками.

Вернулся домой. Жена, конечно, отсутствие пятисот евро заметила, но я сказал, что меня обокрали, и пришлось снять денег на жизнь. Не знаю, поверила она мне тогда или нет, но вида не показала и только пожалела. Я же с нетерпением ждал новой поездки в Вену. Не верил, что фортуна со мной разругалась навсегда, просто обиделась ненадолго и ждёт моего возвращения. К нему я готовился заранее. Впервые, поднакопил наличных, во-вторых перевёл в Варшаву приличную сумму на всякий случай. Когда, наконец, при-

шло время, я решил сначала лететь до Варшавы, там пересест на поезд. Дело в том, что при полёте самолётом, есть ограничение на сумму наличных, а будучи уже в Шенгене, меня никто проверять не будет. Так и вышло. Заехал в банк, снял деньги и с теми, что вёз из Москвы, получилось двадцать тысяч евро. Командировка была короткая – пара дней и в четверг вечером я уже сидел за столом с рулеткой. Завтра утром подпишем последние документы, и я домой на выходные. В этот раз я стал играть по той же системе, что первый раз с женой в Баден-Бадене. И у меня, как говорят, пошла пруха, через два часа я почти удвоил свои деньги. Потом прервался, ставил по маленькой, но стал проверять свою интуицию. Например, ставлю на красное, а сам загадываю – девять. Вот чёрт, девять и выпало. Продолжаю, теперь тридцать один. И опять угадал! Нет, чтобы встать и уйти, ведь отыграл с избытком свой давешний проигрыш. Так нет, продолжаю. Двадцать четыре. Бог мой, опять попал! А тут объявляют минуты ставок без ограничений. Я ставлю десять тысяч на двенадцать, и шарик останавливается на этой цифре, я чуть не заорал, а он вдруг перекатился на соседние тридцать пять! Я, дрожа, тут же бросаю опять десять тысяч на семёрку. Мимо! Все смотрят на меня, но я не обращаю внимание и все деньги ставлю на первый сектор. Утрою и верну проигрыш. Второй! Всё... Бегом в банкомат, сначала с московской, потом с варшавской карточек. Тысяча и все на одиннадцать. Мимо! Как добрёл до отеля не помню. Чтобы уснуть

выпил полбутылки вискаря и отрубился. В пятницу утром снял опять по пятьсот с обеих карточек. Решил после встречи с партнёрами забегу и поставлю все на двойку. Эта цифра мне приснилась, и я принял сон за извинение от фортуны. Подписали бумаги и я бегом в казино. Ага, как Вы можете догадаться, снова мимо. Что делать. И тут, как в угаре, я звоню нашему партнёру и прошу занять мне пять тысяч евро. Тот дико удивился, но пообещал, попросив при этом расписку. И вот я опять в казино. Играл я почти двое суток. Выигрывал, проигрывал, опять выигрывал. Телефон отключил. Как узнал позже, встревоженная жена созвонилась с шефом, тот её успокоил, но сам испугался, связался с партнёрами и узнал о займе. Сообщил жене, что всё нормально, а сам рвал и метал. Жена же поняла в чём дело и пришла в неопишемую ярость. Я же вместо того, чтобы возвратиться домой, слетал в Варшаву, снял все деньги и опять поездом в Вену. Конечно, просрал и их. Куда деваться, еду домой. На работе полный п...ц. Уволен. Жена чемодан вынесла на порог дома и сказала, чтоб более на глаза не появлялся. Карточку мою заблокировала, и я вернулся в комнатку в коммуналке. Мы её держали в расчёте на то, что дом будут расселять и мне обломится квартира. Я всегда мечтал жить вне Москвы, но иметь приличное жильё в городе с тем, чтобы можно было пару дней там пожить, помотаться по музеям, магазинам.

Вот и всё, как в той сказке, сижу у разбитого корыта, ни работы, ни семьи. А жжёт изнутри – давай ещё раз, давай, ведь не может же так не везти. А ведь надо долг отдавать, а играть на что? И тут я кое-какие бумаги, что были с собой, подчистил, подделал, да через приятеля из банка, взял кредит аж двадцать пять тысяч евро. Пять тысяч приятелю за помощь и остальные перевёл в Варшаву. Далее, самолёт, банк, казино. На всю жизнь запомню этот час. Дождался безлимитных ставок и все двадцать тысяч на семнадцать. Глаза закрыл, не дышу. Слышу, как все – Ах!, а крупье дрогнувшим голосом – семнадцать! Я и сомлел. Очнулся рядом в кресле, нашатырь мне суют, испуганно спрашивают, всё ли в порядке. Я им, да, да. Встал, и к кассе. Иду и чувую, что излечился. Напрочь, как будто и ничего не было. Короче говоря, деньги взял, наутро бегом к партнёру, долг вернул, добавил пятьсот сверху за задержку. Тот не моргнув глазом взял, гад. Я по магазинам, приоделся, купил подарков жене, позвонил шефу, всё рассказал как на духу. Простил таки, сказал, что возьмёт обратно. Я тут же жене, каялся, сказал, что вчетверо перевёл на её счёт, восстановил всю сумму и в варшавском банке. Вот и сейчас еду поездом домой. Жена простила, шеф простил и, главное я совсем здоров!

– Да, удивительная история, – сказал я, – так просто от этого не лечатся. Один мой приятель, довольно известный человек, как и Вы, проиграл всё, но не в Вене, а в Амстердаме. Так пошёл топиться. К счастью, прохожий удержал!

Но лечился долго, лет пять. Да и сейчас, говорил мне, старается не проходить мимо казино. Боится, что возможен рецидив.

— Да, и я, скажу честно, решил, если проиграю, уйду из жизни! Слава богу, повезло.

Тут проводник объявил, что подъезжаем к Вязьме. Попутчик попросил меня выйти, сам переоделся, собрался, а как поезд остановился, мы попрощались. Да, вот история, так история. Я приехал к своякам, за суматохой встречи, за раздачей подарков, за ужином с пьянкой про своего попутчика я забыл и более не вспоминал. А через несколько лет бросил свой НИИ, стал директорствовать в небольшом центре и по линии МАГАТЭ поехал в Вену. Вечером выбрался в центр и пошёл традиционным маршрутом: Штефан-плац, Грабен, Кольмаркт и далее. И вот, проходя мимо казино, вспомнил эту историю. Хотел было зайти и посмотреть на место страданий и триумфа тогдашнего попутчика, но застеснялся и прошёл мимо. Ещё через пару лет я перешёл в частную фирму и мои поездки в Вену, точнее в МАГАТЭ, стали регулярными. Регулярным был и мой вечерний моцион. И каждый раз у казино я вспоминал ту историю, каждый раз намеревался зайти и даже сыграть по маленькой, но так и не собрался.

Однажды, не помню уж в какой раз, я шёл по этому же маршруту. Начало октября, чудная тёплая погода. Лучшее

время в Вене. Свернул на Картнерштрассе, прошёл метров сто, слева всё тот же оркестрик мексиканцев. Для меня они все на одно лицо. Куда бы я поехал, везде они. То ли во Франкфурте, то ли в Берлине или Мадриде. Играют одно и то же, вариации на знаменитую El Condor Pasa. Правда я люблю её от Саймона с Гарфункелем, но всё равно остановился, несколько минут послушал и двинул дальше и тут...

– Bitte reichen sie dem ehemaligen Abgeordneten der Russischer дума ein! (Подайте, пожалуйста бывшему депутату российской государственной думы!!!)

Во дают, заржал я внутренним голосом, благо, что немцы, небось, Ильфа с Петровым не читали. Смотрю, мужик стоит, склонил голову, как бы стыдится. Пробормотал по-немецки, потом по-английски. Слегка обтрёпанный, но не бомж, чистенько хотя бедно одет, в целом выглядит довольно прилично. Я не выдержал и в честь любимых писателей кладу ему полсотни евро в банку. Он подымает голову... бог мой, да это же тот мой попутчик!

– Вы?!

Вижу и он меня признал. Совсем засмутился, а я ему:

– Да ладно, бросьте. Слушайте, наверное, голодны? Пойдёмте, тут недалеко неплохой ресторанчик самообслуживания Nordsee, я угощаю. Не стесняйтесь, пойдёмте, ну пожалуйста.

Конечно, я пригласил его не из гуманитарных соображений. Жутко интересно было узнать продолжение исто-

рии. Мужик помялся, но видимо-таки оголодал и мы пошли. До ресторана шли молча. Я заказал ему рыбный суп, паэлью, пиво. Сам же был после фуршета и поэтому ограничился бутербродом с красной икрой и тем же пивом. Ели молча. Было видно, что мужик реально голодал, но ел аккуратно, хотя и быстро. Я же медленно цедил пиво и ждал. Наконец он доел всё и взялся за свой бокал.

— Да, вижу, Вам интересно узнать, как я докатился до этой жизни. Не буду томить и как говорили ранее, поведаю даже не за угощение или щедрую милостыню. Просто устал я, всё время хотелось выговориться, да кому тут интересны подобные истории. Всё же просто. Вернулся я в Москву и жизнь наладилась да так, что и лучшего желать было грешно. Про казино не вспоминал, работал в той же фирме, коммуналку наконец расселили, получили квартиру не в центре, но и не на окраине. Часто уикенд проводили в Москве, выставки, музеи, шопинг. Но через три года шеф ввязался в какую-то авантюру, меня не предупредил и крупно, крупно обосрался. Да так, что за ним не только полиция стала гоняться, но и бывшие партнёры, а также старые враги. Которые нашли его раньше всех с вытекающими последствиями в виде отпевания и похорон. Фирма была объявлена банкротом, здание пустили с молотка, все сотрудники вылетели на улицу. Бывает, конечно, и хуже, но мы не унывали. Жена уже была профессором, зав кафедрой, дочь на выданье, женихов стада неисчислимые, деньги, что я выиграл никуда

не делись, а даже умножились за счёт моей зарплаты и некоторых сероватых махинаций. Устроиться мне было раз плюнуть — я был широко известен в определённых узких кругах. Появились командировки в Европу, новый шеф о моих приключениях не знал и поездкам не препятствовал.

Далее мужик рассказывал о своей работе, о городах, куда забрасывала его новая служба, о семье. Я не мог дожидаться, когда же он дойдёт до главного, но тот не спешил. Было видно, что соскучился он без собеседника. Я заказал ещё пиво и продолжал терпеливо ждать. Наконец...

— Очередная поездка в Германию. Карлсруэ. Партнёры в последний день устроили экскурсию в очаровательный городок Этлингген. Он известен как образец удачной реконструкции средневекового города. Пару часов мы бродили по очаровательным улочкам, потом пообедали в настоящем старинном типичном немецком ресторанчике. И тут партнёры предложили сделать небольшой крючок по дороге назад. Я не возражал, так как разомлел после литра отличного пива. Мы ехали, болтали о всякой ерунде. Наконец остановились. Оба партнёра сказали водителю, чтобы он нашёл парковку и через два часа заехал за нами. Мы вышли из минивэна... Ё-моё, да это же то самое первое в моей жизни казино! Это Вам сюрприз, сказали партнёры и повели меня на плаху. Мы пробыли там около двух часов. Играли все трое и все выиграли немного, в том числе я. Вернулись к ночи

в отель и распрощались. Утром я должен был на поезде отправиться во Франкфурт и во второй половине дня лететь домой. Вы, конечно, догадываетесь, что никуда я не поехал, а рванул в Баден-Баден. И понеслось. Я упорно ставил на все те же семнадцать и проигрывал. Спустил почти все деньги и решил переместиться в Вену, где мне когда-то так повезло. Бесполезно. Кончились варшавские деньги, жена заблокировала московский счёт. Пути назад мне не было, и я остался здесь. Перебивался случайными заработками, прятался от полиции и миграционной службы. Потом по совету новых приятелей с Украины, прикинулся мигрантом по политическим причинам, нашёл дешёвое жильё и стал попрошайничать. Оказалось, что дело доходное. За вечер, особенно в сезон, иногда до пары сотен евро случалось. Понятно, что мой немецкий да английский плюс бывший депутат производил впечатление на доверчивых европейцев. Конкуренты попытались вытеснить меня с этого хлебного места, даже пару раз отлупили не слабо. Но полиция вступилась и они отстали. Как только набиралась нужная сумма, я переодевался в приличный костюм и сюда, в казино. Играл удачно, но в целом неудачно. Сначала играл и выигрывал по старому методу и как только выигрыш был достаточно большой, тут же ставил всё на семнадцать. Мимо. И так два-три раза в неделю. Я же математик, не может же быть такого, чтобы в течение двух лет семнадцать НИ РАЗУ не выпало мне. Но я не отчаиваюсь, выпадет же и я вернусь. Верю!!! Вот благо-

даря Вашей щедрости я завтра вечером буду опять играть. Ждал, когда наберётся большая сумма. Приходите, Вы принесёте мне удачу.

– Даже не знаю, командировка моя кончилась, самолёт днём. Ладно, попробую перенести вылет на послезавтра.

– Отлично. Тогда здесь завтра в восемь.

– Договорились.

Утром я связался с агентством. Оказалось, что на завтра билетов нет на мой рейс, нет и на несколько других через Варшаву, Амстердам и Москву. А тут ещё жена звонит, дескать сегодня вечером у нас гости. Делать нечего, заскочил в пару магазинов, купил кое-что жене и в аэропорт.

А через несколько месяцев я ушёл из частной фирмы и мои поездки в МАГАТЭ прекратились более, чем на год. Когда же я начал сотрудничать с одной американской компанией, которая участвовала в нескольких проектах в МАГАТЭ, Вена стала практически моим вторым домом на почти полтора десятилетия. И в первый же приезд я вечером помчался на Картнерштрассе. Но к моему разочарованию, никто больше не просил милостыню от имени бывшего депутата Госдумы. Я покрутился, покрутился и... зашёл в казино. Разыскал некого вроде администратора и поинтересовался, не знаком ли им такой странный игрок.

– О, да, очень даже знаком, – настороженно ответил некто вроде администратор, – он несколько лет играл почти каж-

дый вечер.

– А Вы не знаете, что с ним случилось. Мы знакомы неплохо, но меня не было в Вене больше года и я не могу его разыскать.

– И не разыщете, – ответил некто вроде администратор с печалью в голосе. – Знаете, он упорно ставил на семнадцать каждый раз и проигрывал. И, представляете, всё-таки ему, можно сказать, почти повезло.

– Что значит почти?

– А вот почему. Поставил он тогда почти двадцать тысяч евро. И выпало семнадцать...

– И?

– Да он как увидел это, вскочил и тут же упал замертво. Сердце. Через посольство России нашли его родственников. Прилетела жена с дочкой и зятем, забрали тело и отвезли в Москву. А выигрыш им переслали где-то через пару месяцев. Вот так.

– А когда же это случилось?

– Да больше года тому назад. Я, почему запомнил. Он всё время ждал какого-то своего приятеля. Поставит маленько на красное и выбегает посмотреть. Ждал, ждал, не дождался, тогда всё и поставил.

PS. Коловращение жизни – это был тот день, когда я не смог поменять билеты из Вены в Минск. А имени его я так и не узнал, он остался в моей памяти как просто Попутчик.

Живопись

Эта история столь неправдоподобна, что хотя я слышал её собственными ушами, поверить рассказчику до конца так и не смог. А начиналось это так. Очередная командировка в Питер коротенькая, всего два дня. После того, как в Минске американцы перестали выдавать визы, я за ней ездил каждый год в Питер. Причём дважды. Первый раз на сдачу документов и собеседование, второй за получением. К сожалению, по роду моей деятельности в то время, Госдеп требовал специальной проверки таких как я, что занимало от трёх недель до месяца. Но к счастью поездки оплачивались и для меня это были приятные возможности посетить родню и друзей на халяву. Вот и в этот раз документы сдал, и через месяц опять здравствуй Невский. Сейчас же как обычно СВ. На удивление много народу, что для этого поезда не типично и ещё более странным оказалось то, что полвагона вышло по дороге задолго до Минска. Платить втридорога за пять-семь часов мне показалось необычным. Но и бог с ними, если бы я по своей пройдошистой привычке уговорил проводницу не подселять мне попутчика, то этой истории мне бы не слышать. В этот раз моим соседом оказался импозантный мужичок интеллигентной наружности, чуть ниже среднего роста, с небольшим, но заметным пивным брюшком, с густыми седоватыми волосами и с дореволюционным пенсне

на носу. Одет в светло серую тройку, голубоватую рубашку в тон с дорогушим галстуком. Мне такой же купила жена, но я надевал его крайне редко в силу привычки засрать всё, что на мне из-за полного наплевательского отношения к любой одежде, кроме фланелевых рубашек в спокойную ярко-красно синюю клетку, старых джинсов и свитера, оставшегося с времён отступления французов в войну двенадцатого года. Жена галстуком дорожила и вдевала меня в него только в случае совместных походов или мероприятий, где она могла присматривать за мной. Чтоб я, значит, не вздумал есть руками, а потом вытирать их об то, что первым попадётся, в том числе и об этот грёбанный галстук. В одежде я крайне непритязательный, новые вещи не люблю и соглашаюсь на их приобретение только тогда, когда отказ грозит разводом с моей женой, которую я обожаю и... побаиваюсь за крутой нрав и крепкие руки мастера спорта по спортивной гимнастике.

Сосед прибыл в купе налегке, почти как и я, с небольшим чемоданчиком, в котором держал сменную одёжку, мытые принадлежности и прочие мелочи, необходимые для короткого путешествия. Всё это я успел узреть, когда он открыл чемоданчик и стал доставать дежурные тапочки, лёгкий свитерок и полуспортивные брючки для переодевания. Помимо чемоданчика у него был плоский пакет около метра в длину и шестьдесят-семьдесят сантиметров в шири-

ну. По первому взгляду это походило на картину, завернутую в несколько слоёв бумаги и перевязанную шпагатом. На мысль о картине наводили некие утолщения по периметру, напоминающие раму. Мужичок обращался с пакетом крайне бережно, сначала попытался подсунуть его под полку, потом стал на неё ногами и задвинул пакет на верхнее багажное отделение, сперва спросив, не претендую ли на это место. Я продемонстрировал свою кладь, и он успокоился. Сел за столик и уставился в окно. Видно было, что ему скучно, так как ни книжки и никакого электронного устройства у него не было. А телефончик, как и мой, простой, без модных наворотов. «Ну вот, щас начнётся, – с раздражением подумал я». Началось...

– Это я картину везу, – стартовал мужичок. – Боюсь повредить, смог вот только в несколько слоёв бумаги завернуть.

Делать нечего, пришлось из вежливости среагировать.

– Вы художник?

– Да нет, что Вы. Я адвокат и в то же время коллекционирую русскую живопись. Вот, возил картину на экспертизу. Приобрёл в поездке на родину в Рязань. А в Питер меня рекомендовали приятели. Так отличный специалист есть. Берёт недорого и проверяет быстро. Сейчас заеду в Минск по делам, а через денёк через Москву, домой.

– Уверены, что эксперт сделал всё правильно?

– А как же, он и официальную бумагу дал. Но для меня это не очень-то и важно. Продавать не собираюсь, а когда

копыта откину, так пусть наследники решают.

– Так что же за картина? – не выдержал я.

Мужичок достал пакет, развязал шпагат и бережно развернул бумагу. Зимний пейзаж, очень даже симпатичный. Напоминал то ли Юона, то ли раннего Герасимова.

– Хороша. И кто же автор?

– Шуплинов, Николай. Вы, наверное, не знаете. Он...

– А, это один из самых последних передвижников, – прервал я. – Да, он уже и в советское время работал.

– О! Вы не искусствовед случайно?

– Совсем нет, – засмеялся я. – Ядерная физика моя специальность. Но живопись знаю, так как я филокартист и собираю открытки с репродукциями картин из музеев.

– Филокартист!? Не может быть! Слушайте, я Вам сейчас такую историю расскажу, закачаетесь. Мне её самому рассказывали.

Проводница принесла чаю, мы с мужичком достали собойки. Меня снабдил мой закадычный друг Бухарец, у которого я провёл два дня и который работает поваром в одном из лучших ресторанов города. По этой причине я не мог отказать от его поварских изысков, которых хватало как минимум на отделение голодных солдат, а что уж говорить про нас двоих. Мужичок, увидев такое изобилие, ахнул, а я же предложил оставить его скромные бутербродики на утренний чай и подналечь на моё. Прикончив то, что с трудом влезло в наши ослабшие организмы и, запив это железно-

дорожным чаем, я приготовился слушать, а мужичок начал. Рассказывал он весь оставшийся день и закончил в первом часу ночи. Видимо сама история его потрясла, и он рвался поделиться с благодарным слушателем. Поэтому подробно описывал даже мелкие детали. Я был изумлён до крайности и то верил, то сомневался. Уж больно неправдоподобной выглядела эта история. Я долго не мог уснуть, всё представлял себя на месте её героя.

Приехав домой, я записал рассказ. Но, конечно, многое подчистил, изменил, убрал упоминания о месте, где всё происходило и, каюсь, постарался приврать в целях более художественного изложения, добавил целую любовную линию. Но, все факты, события и действующие лица, естественно, не под своими именами, полностью соответствуют оригиналу. Единственное, что я в корне изменил, имя художника, название картины и собственно историю её появления. Кстати, удивительно, но проболтав столько времени, мы так и не познакомились с ним. В смысле я не представился и его имени не услышал. Так и он остался в моей памяти как просто Попутчик.

2. Сообрази себе картину

Почти невыдуманная история.

Правда, границы «почти» почти неразличимы...

Карло Кривелли. 1457—1495. Мадонна с младенцем. Местонахождение неизвестно.

Может ли профессия искусствоведа прокормить человека? А целую семью? О чём думала мама, когда расписывала Фёдору все прелести этой профессии? В советские времена, наверное, было можно защитить кандидатскую, если повежёт, то и докторскую. Писать книжки, читать лекции. Особенно, если пристроен к хорошему месту типа художественного музея или, того лучше, к театрально-художественному институту, или совсем уж почти к раю в виде Академии наук. А сейчас, что проку от кандидатской, да и от института тоже. Какие ныне зарплаты у преподавателя, даже пусть доцента. На докторскую сил нет, да и нет особого желания. А без неё шиш, а не профессора получишь. А ведь всё так славно начиналось.

Неполные семьи бывают разные, чаще всего проблемные. По крайней мере, если судить по прессе и художественной литературе. Но мне кажется, что это далеко не так. Вот Федя жил с мамой. Про отца он ничего не знал и особенно не печалился. Когда-то спросил у мамы о нём, получил стандартный ответ – вы сами можете предположить варианты, и успокоился. В их доме постоянно толпился народ, было интересно и весело. Актёры, художники, поэты, писатели и прочая богемная публика. К этому располагала профессия мамы и её место работы. Она была достаточно широко известна

в определённых кругах как прекрасная портниха, а по жизни работала костюмером в академическом театре. Рисовала мама прекрасно, но работа занимала практически всё время, и на живопись оставалось совсем немного. Тем не менее, Фёдор с раннего детства жил в атмосфере масляных красок, растворителей, лаков и в окружении маминых картин, репродукций художников, многочисленных книг по искусству. Маме досталась богатая библиотека её родного дяди, известного в своё время искусствоведа. Позже она сама пополняла собрание, а также многочисленные друзья, зная страсть мамину страсть, старались подарить по поводу и без оно, то ли новинки, то ли что-нибудь подобное из своих заграничных поездок. Учился Фёдор средненько, по естественным наукам с трудом, так как по складу ума был чистым гумани-тарием. К счастью, школа во дворе дома была с углубленным изучением французского, а вторым языком был немецкий, что очень пригодилось в дальнейшем, особенно если учесть, что английский он выучил сам. Большая часть иностранной искусствоведческой литературы как раз была на этих языках, и это существенно помогло, когда Фёдор тачал болванку, что в переводе на нормальный язык означает написание кандидатской диссертации. Но до болванки ещё надо было дожить. В институт он поступил без труда. Во-первых, был неплохо подготовлен, во-вторых, среди преподавательского состава фамилия Фёдора была достаточно хорошо известна, что способствовало поступлению. Хотя специально ни мама,

ни сам он пороги не обивали и пониженного внимания экзаменаторов к себе не требовали.

Учиться было легко и опять же весело. Будучи почти взрослым и уважаемым студентом он влился в большой богемный коллектив, на полных правах принимал участие в посиделках и пьянках, хотя к выпивке был абсолютно равнодушен, но курил, как и все в компании. Квартира у них с мамой была небольшая, но трёхкомнатная с двумя особенностями. Хотя собственно жилплощадь была по современным меркам совсем невелика едва ли 38 квадратов, зато кухня была на загляденье, считай по площади почти как две комнаты, да ещё с огромной лоджией и с выходом на черную лестницу. Где на площадке можно было хранить зимой всякие дары с дачных участков маминых друзей. Второй особенностью квартиры была ванная комната под стать кухне. Помимо ванны там размещалась стиральная машина, куча шкафчиков и полочек, гладильный угол и совершенно необычная вещь для советского времени – биде. Кухня благодаря своим размерам и была местом всех тусовок, а лоджия – курилкой. Мама была против курения в квартире, и к тому же в компании постоянно кто-то был беременной. В ванной же зачастую уединялись парочки. Там в гладильном уголке был небольшой диванчик. Эта квартира досталась им по печальному поводу.

В Ленинграде жила бабушка по маминой линии. Родом она была из старинной дворянской семьи, блокадница,

из любимого города выезжала только к дочери после появления любимейшего внука Фёдора. Он же обожал бабушку, и все каникулы проводил у неё или вместе с ней на даче у родственников под Лугой. Бабушка жила в отдельной квартире в самом центре города. Собственно говоря, отдельной эта квартира стала сразу после снятия блокады. До этого она была частью большой коммунальной, в которой до войны жило пять семей. Кстати, вся эта квартира в своё время принадлежала прадеду Фёдора – известнейшему на весь город ветеринару. В блокаду из четырех семей осталась одна старушка – остальные то ли пропали в эвакуации, то ли умерли от голода. Бабушка выжила по двум причинам: работала бухгалтером в столовой, что давало возможность питаться чуть-чуть лучше, чем другие и благодаря своей ослепительной красоте. За ней постоянно ухаживали различные представительные мужчины, и среди них был один из Смольного и как раз на период блокады. Он же смог позже правдами и неправдами добиться разделения коммуналки на две квартиры – одну отдельную шикарную однокомнатную для зазнобы, то бишь бабушки, и вторую по-прежнему коммунальную. Кстати, это стало возможным лишь потому, что в огромном общем коридоре можно было выделить помещение для бабушкиной кухни, туалета с ванной и даже прихожей. Кроме того из коридора был выход на черную лестницу. Этому из Смольного афера с бабушкиным жильём вышла боком. Точнее боком вышла его вся деятельность, в ко-

торой квартира была лишь небольшим довеском, что спасло бабушку от выселения. Мама же с Фёдором жили в обычной двухкомнатной квартире, правда улучшенной планировки, которую они получили в доме, построенном для актёров и работников театра в те времена, когда слово театр звучало очень гордо. Питерская бабушка отличалась исключительным здоровьем, как все, кто пережил блокаду. Но тут случилось несчастье – она упала и сломала шейку бедра. В девяностолетнем возрасте это было почти смертельно. Пришлось срочно заняться обменом бабушкиных хоромов и их квартиры на трёх или лучше четырёхкомнатную жилплощадь. Обменять однокомнатную квартиру в Ленинграде на квартиру в их городе было плёвым делом. На объявление в газете откликнулось около сотни жаждущих. Вариант Фёдор с мамой выбрали быстро. Следующим шагом был обмен найденного варианта и их квартиры на общую. И тут возникли проблемы. Мама установила одну ножку циркуля в их жилище, а второй очертила круг радиусом с километр и заявила, что новая квартира должна была находиться в указанных пределах. Вариантов, тем не менее, было немало. Каждый день после работы мама с сыном садились на велосипеды и ехали осматривать предлагаемые квартиры. Съезд – это не разъезд. Разводы, конфликты детей и родителей, бабушек и дедушек с внуками – причин для размена квартиры были стада неисчислимы. Гораздо меньше жителей города хотели объединяться. Поэтому выбор у них был большой, невзирая на гео-

графические ограничения. Позже Фёдор вспоминал эти поездки с чувством особой жалости. Почти всегда им приходилось видеть небольшие житейские драмы и даже трагедии. Редкими же исключениями были счастливые варианты, например, престарелые родители желали предоставить любимым детям возможность жить самостоятельно. Их квартира попалась далеко не сразу и, несмотря на очевидные достоинства, испугала своим видом. Долгое время она была коммунальной, и прежние жильцы засрали её до невозможности. Но тут выручил местный вариант обмена питерской квартиры – прознав про проблемы, он предложил для ускорения доплатить за обмен. Сумма, которая предлагалась, покрывала расходы на ремонт и не прошло и месяца, как Фёдор с мамой и бабушкой, наконец, обустроились. Бабушка прожила чуть меньше года и тихо ушла во сне. Вот так.

После окончания института Фёдору реально повезло. Ещё на четвёртом курсе он попался на глаза легенде института профессору Кузмичеву, по кличке, естественно, Кузмич. Почему Федька ему приглянулся, неизвестно, но и не важно. Важны последствия. Кузмич был исключительным знатоком и поклонником передвижников. Его дед богатый промышленник меценатствовал на ниве искусства и особенно привечал этих художников. К сожалению, кроме шикарной библиотеки и нескольких эскизов Серова от огромной коллекции деда больше ничего не осталось. Всё сгинуло в смутные времена или было экспроприировано Советами. Внук благо-

получно проскочил все крутые изгибы советского искусствоведения, поскольку во все времена большевики любили передвижников и отблески этой любви пали на Кузмича. Что выразилось в научных степенях, регалиях, наградах и прочих знаках внимания со стороны власть имущих. С одной стороны Кузмич привил Федору свою привязанность к передвижникам, с другой – передал свой огромный опыт и знания. Начиная с курсовой, Кузмич стал его руководителем, продолжил на дипломе и логично завершил на кандидатской. И быть бы Фёдору доктором наук, но везенье кончилось, Кузмич покинул его, как впрочем, и этот мир. А тут ещё и великая августовская революция. Конец СССР и любви к передвижникам. Правда, надо отметить, что СССР так и не воскрес, а вот передвижники... Но их воскресенье случилось заметно позже.

Начало девяностых было тяжёлым. Театр, где служила мама Фёдора, хирел и едва держался на плаву – людям было не до искусства. Её же портняжная деятельность также особой прибылью не приносила. Контингент-то был богемный, мало приспособленный к жизни в начальный период перехода от социализма к капитализму. Тут бы выжить, куда уж об обновах думать. К счастью, было несколько старых клиентов, вот они и помогали. Фёдор же ещё при Кузмиче успел получить доцента и преподавал в родном институте. Скудная зарплата и никаких халтур или подработок. Иногда пере-

падал кусок на курсах повышения квалификации. Несколько раз приглашали читать новый курс по мировой художественной культуре во вновь открывшиеся частные институты. Хотя там и платили очень даже неплохо, но впечатление от «студентов» было отвратительным, и Фёдор с трудом выдерживал одну-две лекции. А тут в придачу и личная жизнь не клеилась. Почти три года он практически был женат на Люське – однокурснице, с которой вступил в отношения ещё на первом курсе на картошке. Сделать же последний шаг в сторону ЗАГСа он не решался, а тут подвернулся более решительный тип из новых русских и Люська тютю – как говорят, катер свистнул и скрылся за горизонтом. Тоска... И не скажешь, что Фёдор тямтя-лямя, нет, энергии хватало, даже с избытком. Просто ему с таким никому не нужным образованием деваться было некуда. А жилки бизнесмена не было, не торговать же идти к другу Саньке, который будучи студентом, производил скорее впечатление пэтэушника-неудачника с трудом освоившим азбуку и таблицу умножения. А тут вдруг развернулся, открыл кучу ларьков, купил квартиру, автомобиль, малиновый пиджак и прочие атрибуты успешного бизнесмена. Приглашал Фёдора, даже упрасивал, ему не столько опытные нужны были, сколько просто честные. Но Федька ломался и никак не мог решиться.

Ни шатко, ни валко прошла пара лет такой жизни. Потихоньку приподнялся театр. Государство в областных и рес-

публиканских центрах стало поддерживать некоторые театры, народ приспособился к новой жизни и потянулся к привычным развлечениям. Пошли клиенты и к маме. Только у Фёдора никакого просвета не только не было, но даже не намечалось. И как обычно, помог случай. Фёдора пригласили на открытие выставки в художественный музей. Выставлялись молодые художники, обещали фуршет, и собственно говоря, на него Фёдор и клюнул. Не столько чтоб поесть вкусенького, сколько на возможность встретиться с разными людьми, среди которых надеялся завязать что-нибудь полезное. Но, если честно, то это был только предлог чтоб как-то убить вечер. После расставания с Люськой Фёдор терпеть не мог вечера и всегда старался слянуть из дома. Не мог он смотреть, как мать переживала, вольно или невольно кляня себя за никчемную Федькину профессию. Выставка была так себе. Молодые художники из кожи вон лезли, чтобы понравиться группе потенциальных покупателей. Им по барабану были журналисты и даже телевидение, а вот среди той группы были зажиточные москвичи и даже богатые иностранцы. Входило в моду покупать картины – пустые стены коттеджей нуждались в оформлении. Фёдор толкался среди художников, потом подошел к журналюгам. Те информацию уже собрали и трепетно ожидали главного события вечера – фуршета. Наконец, двери в зал со столами открылись и все, делая вид, что не спешат, ломанулись к угощению. Фёдор, как опытный стололаз, занял самое

правильное место – напротив блюда с жареным поросенком окруженного тарелочками с икрой, красной и белой рыбой. Он предусмотрительно раздвинул локти так, что ограничил конкурентам прямой доступ к деликатесам, высматривая кого-нибудь полезного, с тем, чтобы поделиться выгодным местом. Неожиданно Фёдор заметил Илью Григорьевича, старого знакомого Кузмича. С ним Фёдор встречался несколько раз, когда Илья Григорьевич приезжал в город и останавливался у приятеля. Илья был широко известным в узких кругах специалистом широкого профиля. Иначе говоря, оказывал услуги коллекционерам по приобретению и реализации различных предметов искусства.

– Ба, Фёдор Сергеевич! Какими судьбами здесь. Вы ведь всё больше по передвижникам. А тут малевичи с кандинскими районного разлива, – по-барски положа руку на плечо Феде, пророкотал Илья.

– Пристраивайтесь, тут есть чем сгладить впечатление. Хотя Вы правы, я так, из любопытства. Смотрю, когда, наконец, вспомнят о реализме.

– Спасибо. Сыт. Меня тут обхаживают. Опоздали, батенька. Вы тут в провинции отстали. У нас уже вспомнили. И не только вспомнили, а очень даже. Ваши передвижники пошли в гору. На выставки любого художника девятнадцатого века такой лом стоит, что любо дорого взглянуть. На Репина или Сурикова очереди с километр. С времён большеви-

ков и толп у Эрмитажа не видывал ничего подобного. За какого-нибудь Богданова такие деньги дают! А уж про салон и говорить не приходится. Вон давеча простенький Клевер ушел за... ну, за очень, очень большие деньги. Вот только одна проблема. Спрос рождает предложение – подделывают безбожно. Да так ловко, что не всякий эксперт поймет. Вот Кузмич был! Вот он-то враз бы... Да что говорить, – махнул рукой Григорьевич и, ткнув вилкой в осетрину, опрокинул рюмку.

– Да, с уходом Кузмича... – не успел договорить Фёдор, как Илья, прожевав осетрину, прервал:

– Слушайте Фёдор Сергеевич, – а может быть Вы попробуете экспертом выступить. Вон на следующей неделе мне одного якобы Неврева привезут. Один бизнесмен долг картиной отдавать собирается. Но есть сомнения. Послать на полную же экспертизу дороговато. Как, Вы не попробуете? А потом обещали Гермашева. Мне кажется, что кроме Вас ныне, как лучшего ученика Кузмича, его никто толком не знает. А ведь в своё время с Левитаном конкурировал. И, скажу, успешно. Ну, как?

Фёдор задумался. Заманчиво. Неврева он знал очень хорошо, но жанровых художников того времени и близких по манере к Невреву было не мало. Страшновато облажаться.

– Да Вы не спешите отвечать. Я живу там же, у Кузмича, точнее у его дочери по старой дружбе. Телефон Вы знаете,

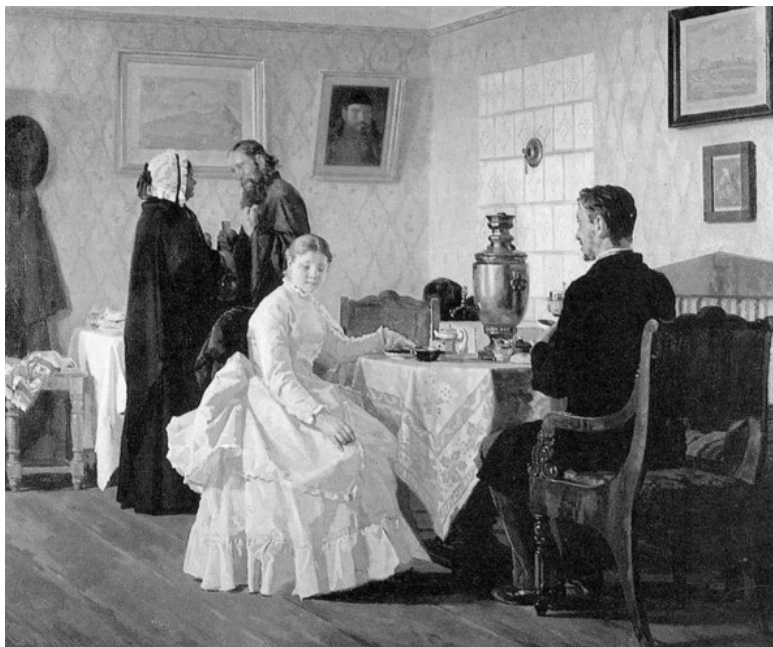
подумайте до послезавтра. Я домой на дневном поезде. Если надумаете, поедem вместе.

Они ещё поболтали, выпили и закусили. Тут Илью отозвали, Фёдор послонялся по выставке ещё с полчаса и, не переставая думать о предложении, отправился домой. Мать ждала с ужином, но Фёдор отказался и рассказал о встрече на выставке.

– И не думай отказываться, – запричитала мать. – Ты ведь сможешь, я не сомневаюсь. Дело-то интересное, вдруг пойдет.

– А, если слажаюсь?

– И что, ну ошибёшься, с кем не бывает. Увидишь, что не уверен, не рискуй, скажи, что сомневаешься, что нужна специальная экспертиза...

Неврев Н. В. 1830—1904. Смотрины. 1888. Москва, ГТГ

Наутро Фёдор позвонил Илье Григорьевичу и сообщил, что готов. На следующий день они вместе выехали и к вечеру были в северной столице. По дороге Илья рассказывал о том, что рынок картин растёт как на дрожжах, что русская живопись всё больше и больше пользуется спросом как здесь, так и за рубежом. Что выставки отдельных передвижников в музеях собирают не меньше зрителей, чем какие-нибудь иностранные импрессионисты... Илья предложил оста-

новиться у него, Фёдор с удовольствием согласился. Он бывал здесь пару раз и не мог не налюбоваться на коллекцию салонной живописи, особым поклонником которой был Илья. На следующее утро привезли картину. Владелец, тщедушный мужичок неопределенного возраста, никак не был похожий на бизнесмена, скорее на его прислугу. Тем не менее, старался держаться как положено, точнее, как он представлял, держатся бизнесмены в очень иностранных фильмах. Картину установили у окна, и Фёдор стал её рассматривать. Практически сразу он понял, что Невревым здесь и не пахло, хотя сюжет был вариантом известного «Торга». Трудно сказать, кто именно был автором. Скорее всего, кто-то из малоизвестных провинциалов. Подпись же в углу явно свидетельствовала, что таки Неврев. Федор пригляделся более внимательно – даже невооруженным взглядом было ясно, что она наложена гораздо позже картины. Фёдор хотел было высказаться, но Илья покивал ему головой, дескать, подождём. Ждали покупателя, точнее того, кому этой картиной мужичок намеревался погасить долг. Причём очень не малый, чуть больше полсотни тысяч долларов. Принесли кофе. Фёдор от волнения пить не мог, сделал пару глотков. Мужичок-же выглядел совершенно спокойно. Похоже, ему эту картину вдули, и он был в ней уверен. Наконец в комнату вошёл... черт побери, Фёдор хорошо знал это лицо. Уж больно часто оно, лицо, мелькало в телевизоре.

– Ну, что, дружище, – почти ласково обратилось лицо

к мужичку. – Неврев, это хорошо, если, конечно, не подделка.

– Ну как Вы можете так думать, – взъерепенился мужичок. – Истинно говорю, Неврев. Мне его наследники в своё время продали. Если бы не долг, ни в жисть бы не распродался.

– Ладно, это всё суффиксы. Перейдём к корням. Итак, Илья, что нам скажет уважаемый эксперт.

– Давайте, Федор Сергеевич, не стесняйтесь, – мягко приободрил Илья.

– Это не Неврев. Кто-то из провинциалов. Не очень качественный, но кое-что в живописи понимающий. Так, на пару тысяч может и потянет. Если, конечно, не поздняя подделка. Думаю, скорее копия того времени, – просто и коротко отрубил Федя.

Повисла длинная пауза. Лицо внимательно смотрело прямо в глаза Фёдора, типа, а не врёшь ли ты, миляга. Мужичок, наконец, очнулся, гулко сглотнул и почти закричал:

– Да как не Неврев! Да вы что! Илья Григорьевич, что это за эксперт, что он мелет, я точно знаю и специалисты в нашем музее подтвердили.

– Между прочим, Фёдор Сергеевич кандидат искусствоведения и специалист именно по передвижникам. А что касается вашего музея, то это ещё не факт, что там специалисты не ошибаются. Ведь на Неврева несомненно похож.

– Ерунда! Я уверен...

Тут лицо слегка кашлянув, привлекая внимание спорщиков:

– Если есть сомнения, то следует направить картину на серьезную экспертизу. А, как вы все знаете, это не малые деньги. Ну, что, будете платить? – уже прямо обращаясь к мужичку подбило баланс лицо.

Мужичок крикнул и задумался. Было видно, что денег у него не густо и вдруг впрямь не Неврев, как заявил этот грёбаный эксперт. Но тут грёбаный предложил:

– Я не думаю, что надо делать полную экспертизу. Я уверен, что стоит проверить лишь подпись. Мне кажется, что она сделана совсем недавно и даже простая экспертиза на это укажет.

Лицо ещё раз пристально посмотрело на Фёдора и поставило точку:

– У меня есть специалист и, ладно уж, я возьму это на себя. А Вам, естественно, этот расход к долгу приплюсую. И, если не дай бог, Фёдор э... Сергеевич прав, то... Впрочем, Вы сами знаете, что означает то.

Мужичок ушёл и лицо отбыло вместе с картиной, которую услужливо поднес к машине Илья Григорьевич. Вернувшись, он предложил Фёдору погостить ещё пару дней. А если окажется, что картина и впрямь подделка, то лицо обещалось щедро оплатить экспертное заключение. Более того, Илья намеревался свести Фёдора с некоторыми коллекционерами. Авось и им понадобятся его услуги. Прошло два дня

и лицо позвонило Илье, пригласив вместе с Фёдором к себе в загородный дом. Не будем описывать жильё олигарха, скажем просто – охренеть. В смысле, что не мы с вами, а охренел Фёдор. Состояние охренения усилилось обедом и конфертом, который на ощупь был ОЧЕНЬ. Как и говорил Федя, подпись на картине была чистым свежаком максимум полугодового возраста, так что никакого отношения к Невреву не имела. Илья ликовал, осыпал Фёдора ласковыми словами, и весь уикенд таскал по коллекционерам, рассказывая историю с Невревым, с каждым разом всё больше и больше прикивая в целях наибольшего художественного отображения. Домой Фёдор вернулся как на крыльях. Гонорар составлял приблизительно полугодовую зарплату доцента, а был заработан всего за семнадцать минут. Счастливая мама приодела сыночка, хотя тот как всегда отчаянно сопротивлялся. Обнов Фёдор не любил, костюмы, тем более с белой сорочкой и галстуком, просто ненавидел. Свитер, джинсы, кроссовки – вот то, что он желал и в чём ходил в любое время года. Слух об его экспертизе долетел до родного города, и вскоре последовали первые результаты. Сначала к нему обратился богатей из совсем скороспелых. Ему вдула картину в качестве просто подарка группа подлиз. Ублажить их или ликвидировать зависело от того, чем является картина – дешёвой подделкой или художественным произведением. Пусть даже и не очень знаменитого мастера. Хотя подлизы хором рекламировали картину как неизвестного Айвазовского. Ну, учи-

тывая, что Айвазовский был невероятно плодовит и едва ли на просторах бывшей Родины найдется музей без хотя бы одной его картины, всё могло быть. Тем более, что море, корабли, как тут не подумать на него.

Богатей пустил пыль в глаза, прислав за Фёдором шикарный лимузин. Дом был под стать лимузину – огромный и безвкусный, как у всех скороспелых новых наших. Картина стояла посередине просторного холла. Вокруг столпились подлизы, в углу стоял накрытый столик – выпивка, икра, рыбка. Фёдор подошёл поближе, для солидности достал большую лупу. Хотя надобности в ней не было совсем – ясно, что не Айвазовский. Но и не подделка. Фёдор присмотрелся внимательнее. Подписи нет, точнее, какая-то закорючка, похожая на все буквы алфавита одновременно. Кто же это, неужели Беггров? Очень даже похоже. Федор достал фотоаппарат и сделал пару снимков. Потом скальпелем аккуратно соскоблил с самого края картины чуть-чуть краски и ссыпал соскоб в пробирку.

– Так, – начал он. – Во-первых, в чём я уверен, что не Айвазовский.

Подлизы ахнули внутренними голосами. Богатей набычился, щёлкнул взводимый курок... На улице раздался топот могильщиков.

– Во-вторых, – продолжил наш эксперт. – Но и не подделка. Думаю, что это один из группы передвижников. Не самый активный, но и не последний.

Подлизы выдохнули, богатей спрятал оружие, могильщики затопали в обратном направлении.

— Далее, я сделал пару снимков и мне надо с ними поработать пару... несколько дней. Сегодня среда, думаю, что буду готов дать окончательный ответ к понедельнику.

Беггров А. К. 1841—1914. Попутный ветер. СПб, ГРМ

Фёдора с пиететом вернули, откуда взяли. Он наскоро перекусил и засел за книги. Потом включил компьютер, потом сгонял в центральную библиотеку и уже к полуночи окончательно убедился в правильности первого своего вывода. Да, это Беггров. Более того, он даже обнаружил черно-белую репродукцию именно этой картины. Дело осталось за малым,

убедиться, что не новодел. Это было проще простого. Утром Фёдор смотался в художественный музей. Там в реставрационных мастерских работал Сергей Иванович, самый известный и опытный мастер. Музей, хотя и звался государственным, но был беден и на хорошую аппаратуру не рассчитывал. Серьёзную экспертизу не провести, но определить была ли краска нанесена в прошлом веке или год-два тому назад Сергей мог. Причём почти задаром. Т.е. за литр коньяка. Как и ожидал Фёдор, краска была не позднее конца девятнадцатого века и можно готовить заключение. Набивая свою значительность, он не спешил и сообщил заказчику о готовности предстать аккурат утром в понедельник. В заключении Фёдор также дал кратенькую справку о художнике – это чтоб подлиз вдруг все-таки не грохнули. Но, слава аллаху, все стороны были довольны. Счастливые подлизы чуть-ли не облизывали Фёдора, богатей угостил всех на славу, а потом выдал Феде конверт, который, как и в первом случае был на ощупь **ОЧЕНЬ**. Дома он пересчитал деньги. Ни хрена себе, годовая зарплата доцента!!! Ура, процесс пошёл. И действительно, за первой экспертизой последовали ещё, и ещё, и ещё... Практически два, а то и три раза в квартал Фёдор выезжал на место или иногда картины привозили к нему домой. Одна из комнат в их квартире была оборудована под мамину мастерскую, а теперь в ней работал и Фёдор. Антураж производил дополнительное благотворное впечатление на клиентов – картины на стенах, мольберт, этюдники, полки с кистями

ми красками, стол для кройки, театральные костюмы, компьютерный угол, всё это как бы демонстрировало, что не хухры-мухры, а специалист таки!

Большая часть картин, которые доставались Фёдору, были подделками. Часто откровенной халтурой, иногда более искусной, несколько раз очень и очень профессионально изготовленной, да так, что приходилось бежать сначала за коньяком, затем к Сергею Ивановичу. Но попадались и реальные картины. Деятельность Фёдора приобрела определённую известность, музейщики откровенно завидовали, но конкуренцию Фёдору составить не могли. Музей в основном был ориентирован на западную живопись и специалисты по русской с Фёдором не ровнялись. Он был совсем бедненький, и специалистов высокого уровня просто не мог себе позволить. Те, которые были при большевиках, не выдержали нищенского содержания и разбежались. В основном за пределы города, да и страны. Про институтских же коллег и говорить не приходилось. Периодически всплывала налоговая, но прихватить его не могла, так слегка пугала. А вот родная милиция заявила в лице начальника отдела. Его интерес был простой – Фёдору передавали список краденых картин и просили в случае попадания в его руки чего-нибудь из него, информировать. Фёдор и не сопротивлялся – уголовный кодекс совсем не налоговый и он его читал. Первое время сумма гонорара определялась заказчиком. Чаще все-

го она полностью устраивала Фёдора, редко была с его точки зрения недостаточной. После нескольких поездок в Питер по приглашению Ильи Григорьевича Фёдор по совету и с его помощью составил прейскурант. Точнее два – один для Питера и Москвы, другой для своих, местных. Цены, естественно, отличались в разы. Но общим был перечень видов экспертизы – от самой дешёвой, типа сколько стоит, если это то, что заявляет продавец, до серьёзной экспертизы, за которую часто приходилось Фёдору бегать не только за коньяком, но и в банк за наличными. Не малыми, между прочим. Жизнь засверкала новыми яркими красками, и Фёдор свёл нагрузку в институте до возможного минимума, чем чрезвычайно обрадовал коллег, получивших дополнительные часы, дипломников, аспирантов и прочее, что существенно увеличивало их содержание.

Рост материального благосостояния, наконец, дал возможность Фёдору перейти от путешествий во время отпуска по бывшей Родине к поездкам за её пределы. Тут надо сказать, что увлечение передвижниками было для Фёдора работой, такой же, как например, вытачивание деталей токарем шестого разряда. Он любил эту живопись разумом, а вот сердце принадлежало совсем другим – Северному Возрождению во главе с самым любимым – Питером Брейгелем и готической живописи, особенно старым немецким мастерам. Из всего же итальянского возрождения Фёдор просто обожал двоих – Боттичелли и Карло Кривелли. Поэто-

му он составил список музеев, где находились основные шедевры и маршруты их посещения. Пришлось научиться водить машину и с испугом впервые посетить Финляндию. Один ехать, правда, не рискнул и взял с собой дежурную пассию в качестве штурмана. Хотя штурман из этой длинноногой модели был никакой, но с навигатором она обращалась неплохо, а уж в постели с лихвой компенсировала некоторые свои штурманские просчёты. Потом была Германия, но уже с другим штурманом, потом Австрия, Швейцария, Франция. Менялись страны, менялись и штурманы. А жениться было не на ком. Мама только вздыхала, уже не надеясь на внуков, вышла на пенсию, театр оставила, шила только старым клиентам, так как благодаря Фёдору в деньгах не нуждалась. Они взяли участок, построили домик, и мама нашла себя на земле, занялась цветами, немного овощами и прочими дачными радостями.

В тот день в центральном выставочном зале открывалась очередная ежегодная выставка местных, и не только, художников. Фёдор полюбил эти события после той счастливой встречи с Ильёй Григорьевичем. Тем более, что получил персональное приглашение. Выставка была большой, занимала оба этажа и вызвала, как обычно, наплыв халевщиков. Фуршет, возможность засветиться перед телекамерой, потолкаться среди известных лиц, поискать или укрепить полезные связи – чем не повод. Фёдор медленно перемещался

от картины к картине. Всё то же, что и раньше – от реализма до хрен знает какого модернизма, включая особо ненавистные им инсталляции. Эту девчушку Фёдор заприметил ещё издалека. Она никак не походила на толкавшихся вокруг богемных дам и ещё более богемных подружек художников. Стройненькая, просто, но изящно одетая, она медленно переходила от одной картины к другой. У некоторых замирала на несколько минут, на другие смотрела лишь мельком. Фёдор хотел было подойти, но неожиданно заробел. Продолжая наблюдать, держался на расстоянии в нескольких метрах и также медленно перемещался вслед за барышней. Так они прошли всю выставку. Что дальше? Только Фёдор было собрался с духом, как барышня обернулась, сделала пару шагов навстречу и, улыбнувшись, сказала:

– Ну, как, рассмотрели?

Федя опешил и растерялся. Два огромных серо-голубых глаза уставились на него в ожидании.

– Ну, если честно, то нет. Точнее, не получалось, всё сбоку, да сзади. А вот теперь, пожалуй, да.

– И как? – уже откровенно издевалась барышня.

Фёдор оправился и уже легко и почти непринужденно:

– Здорово! Даже очень. Я Фёдор, Федя, в смысле.

– А я Анастасия, Настя в смысле.

– Меня пригласили друзья, а Вы какими судьбами?

– И меня друзья. Точнее, приятель, точнее бывший муж. Дал билет, а сам не появился. Ну и бог с ним, мне проще.

А то опять ныть начнет.

– Так чего же Вы согласились?

– Я каждый год хожу на эту выставку. Да и на все выставки впрочем... А Вас я помню по позапрошлому году, тогда выставка была в музее. Вы сцепились с Зайцевым, ну, с этим журналистом, что про искусство пишет. Здорово Вы его прижали, мне понравилось.

Фёдор вспомнил. Нет, не барышню. Он тогда был с Леной или кажется с Наташей и на других особого внимания не обращал, кажется... Вспомнил грёбанного Зайцева, которого терпеть не мог, вспомнил и предмет спора.

– Было такое, я его не люблю, а он щёки надувает, делает из себя знатока, сам же... Ладно, чего о нём вспоминать. У Вас какие планы, ждёте фуршета или может лучше пойти в приличное место? Я узбекскую кухню обожаю, тут рядом ресторан, там один знакомый таджик заправляет. Ну как, согласны?

– Пошли, – просто сказала Настя.

Они пошли. Как оказалось, общих знакомых у них было не мало. Бывший Настин муж был директором небольшой частной галереи, и там иногда выставлялись знакомые Фёдору художники. Сама же Настя к искусству никакого отношения не имела. Точнее имела как поклонница живописи, а в миру была математиком-программистом. Работала в известном жутко секретном НИИ. Жила одна, к счастью брак

был недолог, муж имел свою квартиру, и развод квартирных проблем не создал – разошлись по своим углам. В ресторане они засиделись почти до вечера. Приятель постарался, сам выносил блюда, и всё время подмигивал Фёдорову, дескать, правильная девочка, держись. Фёдор хмурился, но в душе соглашался. Уж очень ему барышня понравилась, совсем не так, как стада предыдущих моделек. Умненькая, образованная и симпатичная аж жуть. Глаза огромные, личико миленькое, фигурка что надо, сиськи на месте, а голосок как у провинившейся пятиклассницы. Попытка проводить не удалась. Настя вежливо, но настойчиво отказалась, но телефон таки дала. Взяла Федин и просила не звонить. Обещалась сама, ... наверное. Вскочила в трамвай и исчезла. Федя побрёл домой стараясь понять, что происходит. Влюбился, что ли? Прошло несколько дней, Настя не звонила, а Фёдор из последних сил боролся с искушением сделать это самому. И тут ему пришла простая мысль в голову. Телефон-то он знает, и установить фамилию и адрес было дело нескольких минут. Кукушкина, это же надо какая фамилия! И адрес, ба! так это же рядом, на соседней улице. Странно, сколько лет ходим в одни и те же магазины, к трамваю идём одной дорогой и ни разу не пересеклись. Ладно, сейчас пересечёмся. НИИ за городом, значит служебный автобус. Пара минут и вот все маршруты по городу. Ближайший недалеко. Фёдор глянул на часы, судя по расстоянию минут через двадцать надо быть на месте. Собрался и бегом к пере-

крестку. Там светофор и вдруг автобус попадёт на красный, можно будет успеть прочитать тот ли. Не попал, но надпись Фёдор успел заметить. Остановка же оказалась далековато, и бежать он не хотел, вдруг Настя увидит и поймет неслучайность встречи. На следующий день Фёдор притаился за киоском. Автобус подошёл, и он увидел Настю. Сердце заколотилось – она вышла не одна, а с амбалом красавцем, которому была чуть ли не по пояс. Они продолжали разговор, Настя взяла попутчика под руку и прогулочным шагом двинулись в направлении уже известного Фёдору адреса. Что делать, застрелиться? Но тут он чуть не подскочил от радости, амбал отцепился и Настя дальше пошла одна. Фёдор рванул кругом и успел выскочить на переулок до того как Настя там появилась. Быстрым шагом, типа спешу со страшной силой, он двинулся навстречу, приняв крайне задумчивый вид. И только собрался изобразить сцену: – Ба, какая встреча!, как Настя своим голоском-колокольчиком ехидно:

– Давно караулите?

Фёдор опешил.

– Как, почему, с чего это Вы...

– Да я вчера Вас увидела в окошко из автобуса. Вы так усердно пытались рассмотреть тот автобус или нет, что я поняла, не сегодня, так завтра точно поймаете! Ну, удовлетворены?

Фёдор понуро кивнул головой.

– Ладно, никуда от Вас не денешься. Пойдем, тут я живу

недалеко, попьём чаю, надо же Вам отдышаться.

В тот вечер дело ограничилось только чаем и долгими разговорами. Уходить не хотелось, уютная квартирка, милая хозяйка, интересный разговор...

– Хорошо тут у Вас. А можно всё-таки мне позвонить? – проскулил Федя.

– Попробуйте, чего уж там. Все равно опять поймаете, – стараясь принять обречённый вид, но с заметным удовольствием ответила Настя.

Придя домой, Фёдор не вытерпел и тут же перезвонил.

– Проверка связи, – бодро начал он.

– Связь установлена, – сухо ответила Настя и положила трубку.

Вот дурень, застрадал Федя, доиграюсь и конец. Надо терпеть. Правда терпел он день и опять не выдержал. Когда же Настя подняла трубку, то сказал просто:

– Извини, не могу больше. Давай встретимся.

– Приезжай, – коротко ответила.

Дома Фёдор не появлялся дня три, только звонил матери, чтоб не волновалась. Первый месяц прошёл как в угаре. Он даже отказался от пары заманчивых предложений – надо было выезжать из города на несколько дней. Утром Настя убежала на работу, Фёдор же первые дни просто сидел у окна, тупо уставившись на стену дома напротив. Увидев Настю, слетал вниз навстречу. Потом слегка привык и на время отсутствия хозяйки занимался домашними делами, убирал, го-

товил, бегал по магазинам. Настя смеялась и говорила, что такой домработницы нет ни у кого в городе. А Фёдор... Фёдор собрался с духом и пригласил Настю к себе, на мамыны смотрины. Мама выбор сына если и не одобрила, то вида не показала. Хотя много позже призналась, что Настя ей понравилась и просто боялась спугнуть. Прошла ещё пара месяцев, и к лету Фёдор затащил Настю в ЗАГС. Свадьбы никакой не было по просьбе невесты. Она сказала, что первый брак был отмечен многолюдным и шумным свадебным торжеством, но оказался неудачным. Поэтому, давай попробуем совсем просто, предлагала Настя, из ЗАГСА домой, посидим с твоей мамой и махнём наутро сначала на несколько дней к её родителям в Псков, а оттуда через Латвию в Париж на машине – настоящее свадебное путешествие. С тёщей и тестем Фёдор был уже знаком. Они пару раз приезжали к Насте и Фёдора приняли.

План удался на все сто. Избежать свадьбы у вновь приобретенных родственников не удалось. Гуляли всем домом три дня. Хотя Настя была единственным ребенком и других родственников у их семьи не было, зато соседи этого небольшого двухэтажного дома были ничем не хуже и все события отмечали вместе. В Париже они пробыли две недели, потом завернули к замкам Луары, потом был Кёльн, опять Прибалтика и точно на тридцатый день вернулись домой. Настя прекрасно водила машину и Фёдор впервые сидел большей частью на пассажирском сидении с удовольствием изображая

штурмана. Дома ждали новые заказы и... новость – похоже, что две недели в Париже имели последствия в виде беременности Насти. Мама пришла в неописуемый восторг. Тут же предложила простой вариант. Комнату-мастерскую разгрузить и перевести всё в Настину однушку. На освободившейся площади оборудовать детскую. А в будущем мама намеревалась и вовсе переехать туда, оставив всю квартиру молодой семье. Через положенный срок родилась дочка, к счастью, полностью в маму иначе такая выдающаяся часть Федино лица как нос, девочку бы не украсило. Заказы на Фёдора сыпались постоянно, мама забросила все свои занятия и полностью разгрузила Настю, которая могла даже выходить на работу, хотя большую часть времени ей разрешали работать дома. Жизнь вошла в спокойное, размеренное русло. Дочка выросла, мама старела, Федя матерел, Настя расцветала.

Кто же мог предполагать, что безобидная поездка Фёдора с женой в Италию имела такие последствия? Несмотря на то, что в Италии оба бывали и ранее, но ни один из них не был в Риме и Сиене. Накануне поездки Фёдор получил очень выгодный заказ. В столице умер известный коллекционер и наследники занялись распродажей. Но перед этим захотели удостовериться в подлинности картин. Дело в том, что покойный коллекционер приобретал картины, скажем, сомнительными путями. Точнее сомнительными были источники и наследники имели основания остерегаться.

Они не желали привлекать в качестве экспертов своих местных, московских, справедливо остерегаясь недобросовестной оценки. Много эксперты этим грешили. Занижали стоимость картины, навели своего покупателя, который щедро вознаграждал за наводку и возможность купить шедевр за бросовые деньги. Фёдор же, пришлый, снискал известность честностью и неподкупностью. Как оказалось, из почти сотни картин подлинниками было почти три четверти, а вот остальные... В основном за произведения известных мастеров выдавались работы малозначительных художников, что срезало со стоимости как минимум три-четыре нуля. Но были и просто подделки. Фёдор выполнил всю работу сам, только одна картина вызвала у него такие сомнения, что он отказался делать какое-либо заключение. Репин или не Репин, вот в чём был вопрос, и ответ на него наследники решили не получать. И так семьдесят две картины давали такие цифры, что исключение из списка квази-Репина вместе с семью подделками особой погоды не делали. Гонорар был ослепительным и покрывал не только поездку, но и особо комфортные условия как-то отель пяти звезд, приличные рестораны и бизнес-класс в самолете. Даже оставалось немало на жизнь и, как шутил Фёдор, жене на шпильки. В эту поездку они решили лететь, а по стране передвигаться на взятом напрокат автомобиле – гонорар покрывал и этот расход. Но сначала был Рим.

Тот день Фёдор запомнил на всю свою оставшуюся жизнь.

Они возвращались пешком из Ватикана. Была суббота и, если сделать небольшой крюк, то можно было зайти на огромный блошинный рынок, который работал с раннего утра до позднего вечера, но только по субботам и праздникам. Оба обожали такие места. Обычно расходились и поддерживали связь по мобильникам или просто договаривались встретиться через какое-нибудь время в условленном месте. Фёдор рыскал по антикварным рядам, искал что-нибудь бронзовое, фигурки животных и божков, подсвечники, чернильные приборы. Дома он любил выставять свои приобретения на поверхности двух старинных комодов, которые достались от прадеда и вначале украшались только дивными каминными часами, а со временем превратились в целую выставочную галерею. Иногда он также любил рыться в залежах старых книг у букинистов и даже однажды приобрёл за безумные деньги старинный альбом с репродукциями Дорэ. И вот сейчас не найдя ничего интересного у антикваров, Фёдор пошёл по рядам букинистов. Задержался у предпоследнего, стол которого был уставлен ящичками с почтовыми открытками. Сам Фёдор филокартистом не был, но таким был его приятель и коллега Игорь. У того была приличная коллекция и Фёдор любил её рассматривать, что бесследно не прошло. Обожая Боттичелли и Карло Кривелли, он старался покупать открытки с их картинами из европейских и американских музеев и, в конце концов, собрал два полных альбома почти всех картин этих художников. А совсем

недавно начал новый альбом под Брейгеля с Босхом. Причем особенно Фёдор ценил не современные издания, а старые, девятнадцатого века и самого начала двадцатого. В крайнем случае из типографии Гознака. Но только до 1928 года. Тогда ещё использовались старые двенадцать клише, а когда они пришли в негодность, то и началась полная халтура. Тиражи открыток были огромны, качество отвратительным. При этом в СССР плевать хотели на авторские права, поэтому печатались репродукции из музеев мира и продавалось это всё в любом киоске и книжном магазине. В то время во всех странах право издавать открытки с картинами имели только музеи, в которых висели эти картины. И, естественно, такие открытки продавались лишь в музейных магазинчиках и на выставках, куда музеи давали свои картины. Вот и сейчас Фёдор с наслаждением стал перебирать выставленные сокровища. Но ничего особенного не попадалось, как вдруг он вдруг заметил отдельно лежащую открытку в пластмассовом конвертике. На ней был изображен традиционный сюжет – Мария с младенцем. Судя по размерам и краскам явно конец девятнадцатого века. Он перевернул открытку обратной стороной и с изумлением прочитал: Карло Кривелли. Мадонна с младенцем. С изумлением потому, что картины любимого художника знал, а эту видел в первый раз.

- Сколько, – спросил он по-английски.
- Пятьсот, – буркнул букинист.
- Сколько, сколько? Евро?

– Да, сеньор, пятьсот евро.

– За открытку?

– Да.

– С ума сошли?

– Нет, сеньор. Это особенная открытка.

– Ну и что же в ней особенного?

– Открытка есть, а картины нет. Да и открыток практически нет. Я просил за неё тысячу, но никто не купил. Вот и сбросил цену вдвое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.